

БОРИС ВЛАДИМИРОВ

КОМДИВ

**От Синявинских высот
до Эльбы**

Борис Владимиров

**Комдив. От Синявинских
высот до Эльбы**

«Яуза»

2010

Владимиров Б. А.

Комдив. От Синявинских высот до Эльбы / Б. А. Владимиров — «Яуза», 2010

От обороны Ленинграда до операции «Багратион», от кровавой мясорубки на Синявинских высотах до триумфальной Висло-Одерской операции, ставшей настоящим блицкригом Красной Армии, – автор этой книги, командир 311-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта, с боями прошел от Прибалтики до Эльбы, одним из первых вступил на территорию Германии и был удостоен звания Героя Советского Союза. Однако его мемуары, созданные на основе фронтового дневника, при жизни автора так и не увидели свет – комдив Владимиров писал настолько жестко и откровенно, не замалчивая ни ошибок командования, ни случаев непростительной слепоты и некомпетентности, что его воспоминаниям пришлось ждать публикации более трети века.

© Владимиров Б. А., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Лето 1941 – начало весны 1942 г.	5
Любанская операция. Весна 1942 года	24
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Борис Владимиров

Комдив. От Сиявинских высот до Эльбы

Лето 1941 – начало весны 1942 г.

Весть о войне застала меня в Красноярске, в 365-м стрелковом полку на должности заместителя командира полка по строевой части. Молнией пронеслась по военному городку мрачная новость, подняла всех на ноги, завертела и закружила. В одно мгновение дома и казармы превратились в растревоженный улей, все как-то сразу нарушилось и изменилось. Мирная жизнь с ее повседневными заботами отодвинулась далеко назад, и между привычным вчера и неизвестным, тревожным завтра легла огромная пропасть.

Положение на фронтах войны с каждым днем ухудшалось, но начавшаяся в полку мобилизационная горячка отвлекала от неприятных переживаний, связанных с военными неудачами.

За полгода до начала войны командиром нашего полка был назначен полковник Иванов. Без военной подготовки, с низким уровнем общего образования, он из уполномоченного Особого отдела при какой-то воинской части назначается сначала начальником отдела кадров Сибирского военного округа, а затем его направляют к нам, командиром полка. Работать с ним было трудно. Ничего не понимая в обучении войск, не разбираясь в делах боевой подготовки, он толком ни во что не влезал, а порхал, словно бабочка, с одного вопроса на другой. Дивизионное начальство, видя его полную некомпетентность, просто махнуло на него рукой.

В первый день войны, почувствовав серьезность и ответственность положения, Иванов, при молчаливом согласии командира дивизии, поторопился самоустраниться. В связи с этим командир 119-й стрелковой дивизии приказал мне возглавить работу по отмобилизованию полка. Когда она была выполнена и мы готовились к погрузке в вагоны, я получил телеграмму из штаба Сибирского военного округа о немедленном выезде в округ в связи с новым назначением.

Командир дивизии дважды обращался к командующему войсками округа с просьбой оставить меня в полку вместо совершенно растерявшегося Иванова, но из этого, к сожалению, ничего не получилось. Командующий был неумолим. Этот неожиданный вызов в последний момент перед отправкой полка на фронт, под впечатлением царившей в стране в те годы обстановки, я расценил как акт политического недоверия.

Отправляясь в Новосибирск в штаб округа, я покидал две семьи: одна – это жена и дочь, ученица 9-го класса, а другая – полк. Сидя ночью в полупустом пассажирском вагоне, после напряженных дней работы, оторванный по неизвестно каким причинам от своего полка, я чувствовал себя одиноким, незаслуженно обиженным и, естественно, нервничал. Пытался заснуть, но в голову назойливо лезли тяжелые мысли. Болела душа и за себя, и за других, и за нерадостное настоящее. Неужели даже в такой критический момент, думал я, когда решается вопрос о судьбе Родины, когда надо объединять людей и поднимать народ на смертельную борьбу с противником, будет продолжаться неразумная политика подозрительности и огульного недоверия к людям. Эта ночь стала ночью тяжелых дум и размышлений. Все, что долгое время накапливалось в душе, требовало ответа.

Почему наша армия, оставляя противнику целые районы с многомиллионным населением, все дальше и дальше отходит в глубь страны? Это был один из мучительных вопросов, к которому не раз приходилось возвращаться.

Выступление Сталина по радио 3 июля 1941 года не давало ответа ни на этот, ни на многие другие вопросы. Оно было рассчитано на наивных или отупевших от последовательно

проводимой политики оглупления людей. Массовые репрессии наиболее подготовленных и талантливых людей в армии значительно подорвали ее боеспособность. Не хотелось верить, что армия настолько ослаблена, что не в силах остановить противника. Тогда только очень немногие знали, что неподготовленность страны к войне и наши первые крупные поражения имели место в силу ряда других причин, и главным образом из-за порочной системы управления страной. Азиатский режим Сталина естественным образом лишал инициативы ответственных лиц, сковывал их деятельность и, по сути, превращал в пешек. Поэтому многие вопросы государственной важности или не решались вообще, или решались очень робко, с постоянной оглядкой назад.

Вспоминались испанские события, которые увели нас в сторону от того единственно правильного пути, по которому шла наша подготовка к войне. В испанской кампании, как в кривом зеркале, увидели мы действительность и начали мудрить. Поэтому у нас теперь было мало танков и еще меньше противотанковых средств. Немцы же не обманулись и сделали противоположные нашим выводы. Дело в том, что в условиях сильно пересеченного горного рельефа местности танки не смогли показать свои боевые качества как подвижное маневренное и грозное средство боя. Были сделаны скороспелые выводы, и решающее предпочтение получила артиллерия, а роль танков была низведена до второстепенной. Наскоро пересоставляется действующий Полевой устав, в котором с исключительной «верностью» дается характеристика современного глубокого боя, роль и порядок взаимодействия всех родов войск и с особой «проницательностью» излагаются действия танков. Вполне понятно, что после таких выводов производству танков и противотанковым средствам не могло уделяться должного внимания. В то же самое время гитлеровская Германия идет по совершенно другому пути. «Великий зодчий и стратег» нашего государства оказался не на высоте положения, и его «прозорливость» дорого обошлась советскому народу.

«Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину», – пришла мне на память первая фраза, сказанная Сталиным в его обращении к народу. Газеты, радио и пропагандисты трещали, как сороки, пытаясь внушить нашему народу и всему миру, что наше временное поражение является следствием вероломства немцев и их внезапного нападения. Слова эти неприятно резали слух, ибо все было шито белыми нитками, лишь бы оправдать преступную бездеятельность правительства.

Никто и никогда не сомневался в вероломстве гитлеровской Германии! Вероломство гитлеровцев и их отношение к Советскому Союзу давно было известно каждому пионеру в нашей стране. Ведь не ради мира и дружбы с нами Гитлер сколотил антикоминтерновскую ось. Этот военный шаг против нас нельзя было не предвидеть.

О возможности внезапного нападения Гитлера после заключения с Германией пакта о ненападении с тревогой шептались у кухонных очагов домашние хозяйки. Они не верили Гитлеру, а тот, кто обладал всей полнотой государственной власти, у кого в руках сосредотачивались все нити разведки и информации, почему-то вдруг перестал понимать простые политические истины, бездействовал и на что-то надеялся. За полтора года, ради чего и было заключено соглашение о ненападении, ничего существенного не было сделано для подготовки отпора врагу, если не считать несвоевременный демонтаж старой границы, чем сами себя же и высекли.

Разговоры о внезапности нападения немцев не могли быть убедительны даже для людей, далеких от военного дела. Как можно было не знать о готовящемся нападении немцев? Современная массовая армия, оснащенная до зубов военной техникой, не иголка, и как искусно ни маскировать передвижение и сосредоточивание войск, скрыть это, тем более в мирных условиях, невозможно.

Многие годы людей призывали к бдительности, а когда нависла угроза войны, о ней позабыли. Населению денно и нощно внушалась вера в силу и мощь государства, вера в способность

этого государства отразить любое нападение противника. «Ни пяди своей земли не отдадим врагу!» – торжественно провозглашалось на весь мир. Песня «если завтра война, если враг нападет...», созданная незадолго до войны, сегодня звучала злой иронией.

Вспомнился маршал Тимошенко, сменивший Ворошилова, наркома обороны. Последние месяцы накануне войны на страницах «Красной Звезды» часто появлялись фотоснимки: нарком обучает тактическим действиям в поле отделения и взводы, указывает цель пулеметчику, заслушивает решение командира отделения. В статьях расписывали неутомимую деятельность наркома, который снизошел до обучения мелких подразделений. Наркому обороны разбазаривать ценное время на подготовку подразделений так же разумно, как стрелять по воробьям из пушек. Лучше бы ему заниматься государственными вопросами обороны, которые, как показали первые дни войны, далеко не были решены. Как видно, ни бои у озера Хасан, ни в районе Халхин-Гола, ни война с Финляндией не вразумили наших полководцев.

Рассветало. Я вышел в коридор и стал глядеть в окно.

«Мои еще спят, – подумал я о жене и дочке.– Что их ждет впереди? Сколько тяжелых, голодных и холодных лет предстоит им пережить?»

За окном мелькали поля, пролески и изредка у самой железной дороги – отдельные домики с крохотными огородами. Вот промелькнули грязные дощатые бараки, с четырех сторон огороженные забором с колючей проволокой и сторожевыми будками. Нетрудно было догадаться, что это лагерь заключенных. Вспомнил отца, без вины виноватого, который, вероятно, тоже живет в неволе в таком же бараке за колючей проволокой. Знает, наверное, что началась война, и еще более страдает вдали от близких людей, связь с которыми потеряна навсегда.

Припомнил во всех подробностях историю, связанную с арестом отца.

В самый разгар репрессий 1937 года пришло письмо от брата из Тбилиси, в котором он сообщал об аресте отца органами НКВД. Письмо пришло в село Черемхово, на Амуре, где стоял Отдельный Разведывательный батальон, командиром которого в то время я был. Там же располагался и штаб дивизии.

Обстановка в войсках была мрачная, каждый день шли аресты. Жили и работали в постоянном страхе. Письмо брата стало последней каплей, что переполнила чашу терпения. Я решил подать рапорт Ворошилову, в котором докладывал об аресте отца и просил уволить меня из армии или назначить на такую должность, где бы у меня не было ни одного подчиненного, перед которым мне пришлось бы отчитываться. Просьбу свою мотивировал тем, что теперь мой политический авторитет в глазах подчиненных подорван.

В тот же день я вручил рапорт начальнику штаба дивизии полковнику Зайцеву. Он прочел не торопясь, затем почесал бритую голову, потер ладонью лоб, несколько раз сочувственно и внимательно посмотрел мне в лицо и, наконец, пробасил:

– Да-а-а, время такое, ничего не поделаешь. Вот вчера вечером забрали командира танкового батальона Алексеева...

Тогда никто не осмеливался откровенничать, даже близкие друзья старались избегать разговоров на политические темы. Объяснялись тонкими намеками и мимикой. Это растянутое «да-а-а», «ничего не поделаешь» и сообщение об аресте Алексеева давало мне понять, что командир дивизии далеко не в восторге от того, что творилось вокруг.

Затем он, подробно и даже с сочувствием расспросив об отце, сказал:

– Вот что я тебе скажу: на твоём месте я бы этого не делал. – Немного помолчав, продолжил: – Давай решим так: рапорт твой я оставляю у себя в сейфе, а ты иди, поразмысли спокойно и обстоятельно, без горячки, а завтра скажешь о своём окончательном решении.

На следующий день я подтвердил Зайцеву своё первоначальное решение.

Через месяц меня вызвали в округ. Принял меня начальник отдела кадров округа полковой комиссар Свинцов. Не так давно он был комиссаром артиллерийского полка нашей дивизии, мы с ним встречались на учебных командирских сборах, но друг друга хорошо не знали.

– Почему вы хотите уйти из армии? – спросил Свинцов.

– Мой отец, как вам известно из моего рапорта, арестован органами НКВД. Я знаю своего отца как прекрасного, честного и порядочного человека и могу поручиться, что он ни в чем не виноват. Арест отца я объясняю перестраховкой недобросовестных лиц из органов НКВД. После ареста отца я, естественно, теряю политическое доверие подчиненных и, как командир части, не считаю возможным оставаться в рядах армии, поэтому и ставлю вопрос о своем увольнении, – ответил я несколько взволнованно, но твердо.

Пока я говорил, я видел, как меняется выражение лица Свинцова. Я был уверен, что сейчас на меня обрушится весь арсенал хорошо заученных доводов, да еще обвинения в политической беспринципности.

– Вы неправильно рассуждаете, – начал он наставительно. – Ни за кого в наше время ручаться нельзя. Мы с вами живем в период исключительно обостренной классовой борьбы, в окружении капиталистических государств, которые шлют нам десятки и сотни шпионов и мечтают только о том, чтобы развалить советское государство, ведут пропаганду и на эту удочку ловят простаков и людей, недостаточно политически подкованных. Откуда вы можете знать, чем дышит ваш отец? Как же вы так безответственно заявляете, что он не виновен, да еще ручаетесь за это?! Сейчас вскрываются такие преступные факты, когда враги народа...

Мне тошно было слушать проповедь слепого фанатика, и я перебил его:

– Все это я слышал не раз и знаю, что вы скажете дальше. Но я еще раз повторяю, что знаю своего отца, верю ему и ручаюсь за него.

Свинцов был возмущен. Он принадлежал к тому типу политработников, которые раз и навсегда отреклись от собственных убеждений, чтобы легче жилось.

Он накинулся на меня, доказывая абсурдность и аполитичность моих утверждений, и для пущей убедительности прокричал:

– У меня четверо братьев, все они честные и преданные коммунисты, и все-таки я ни за кого из них никогда не поручусь.

– Если вы не можете ручаться за родных братьев, – ответил я, – то это значит, что у вас плохая семья. Я же могу поручиться не только за отца, братьев и сестер своих, но и за друзей, которых я хорошо знаю. Вот месяц назад арестован командир отдельного танкового батальона товарищ Алексеев. Он мне не близкий друг, но я его хорошо знаю по службе и уверен в его невиновности.

Пример с Алексеевым вывел Свинцова из терпения. Не слушая меня, он зло кричал что-то мне в лицо. Я встал, чтобы прекратить этот глупый спор с человеком, у которого вместо мозгов газетные передовицы, и резко сказал:

– Вы мне своим криком ничего не докажете. Я настаиваю, чтобы мой рапорт был направлен Ворошилову.

Надев фуражку, я отдал честь и вышел.

Через три месяца был получен приказ наркома обороны о моем переводе в Томск старшим преподавателем тактики на курсы усовершенствования офицерского состава запаса. Моя просьба была выполнена: на курсах у меня не было ни одного подчиненного.

С вокзала я направился напрямик в штаб округа. На улицах у громкоговорителей толпились люди, надеясь услышать ободряющую весть. Все надеялись и ждали, что вот-вот наступит переломный момент и наша армия даст врагу сокрушительный отпор. Правительственные сообщения не приносили ничего утешительного, и люди расходились с тяжелым сердцем.

– Что будет? Что будет? – тяжело вздыхали женщины.

В отделе кадров штаба округа меня направили в распоряжение командира 40-й запасной бригады полковника Торопчина. Когда я услышал эту фамилию, мне стало не по себе. Торопчина я знал еще начальником Томских курсов усовершенствования командного состава, где

я работал старшим преподавателем тактики до назначения в 365-й стрелковый полк. Симпатий друг к другу мы не питали. На меня он производил впечатление человека ограниченного, сухого и замкнутого. Он мало считался с нами, преподавателями, а меня, как мне казалось, просто терпеть не мог за мои частые критические выступления.

Назначение в запасную бригаду к Торопчину было ударом ниже пояса. Я совсем пал духом. Этого я никак не ожидал. Я думал, что назначение в запасную бригаду связано с недоверием ко мне, и переживал это как незаслуженную обиду. Направляясь в штаб бригады, я представил себе, как встретит меня Торопчин, и твердо решил, что при первом удобном случае повидая командующего округом и откровенно выскажу ему все, что накопилось в душе.

Торопчин, однако, принял меня приветливо, как старого хорошего знакомого. Я был приятно удивлен, настроение поднялось. Мне стало даже стыдно, что я так плохо о нем думал, а он оказался не мстительным человеком.

Назначен я был в запасной стрелковый полк заместителем командира по строевой части. Полк был большой, около 7000 человек личного состава. Два-три раза в неделю мы формировали маршевые батальоны численностью в 1000 человек и отправляли на фронт. Командиром полка был полковник Никулин, прекрасный человек, очень спокойный и скромный. За все время работы он ни разу не повысил голоса, со всеми был вежлив и ровен. На общем фоне постоянной грубости, прочно укоренившейся в армии как обязательный атрибут командирской требовательности, он выглядел человеком, к которому не липла никакая грязь.

Первые несколько дней работы в полку Никулин приглядывался ко мне, но, увидев, что я быстро освоился с делом и работаю с душой, предоставил мне полную свободу, не опекая и не вмешиваясь в мою работу. За всю свою многолетнюю службу в армии я редко видел командиров, умеющих полностью доверять своим подчиненным и верить в их способности, как это умел делать полковник Никулин. Такое отношение окрыляло меня, я чувствовал прилив сил и с нарастающей энергией и необыкновенным наслаждением выполнял свою работу.

Часто приезжал к нам Торопчин, проверить, как идут дела, и оставался доволен. Это был уже совсем другой человек по сравнению с тем, кого я знал в Томске, менее самонадеян и всегда любезен со всеми. Уезжая, крепко жал нам руки и, показывая Никулина на меня, с отеческой гордостью говорил: «Мой воспитанник!»

Работы было много, но настоящие трудности ожидали нас впереди. Настали дни, когда на фронт надо было отправлять ежесуточно по одному, а иногда и по два маршевых батальона. В это горячее время, которое тянулось около месяца, нам почти не удавалось спать. Москва крепко нажимала на штаб округа, и мы понимали, что план отправки маршевых батальонов на фронт, несмотря ни на что, должен быть выполнен точно.

Чтобы не «промахнуться» в этом деле, командующий округом решил возложить ответственность за организацию этой работы на одно лицо, с непосредственным ему подчинением. Выбор пал на меня, как имеющего уже некоторый опыт.

Меня вызвали в штаб округа и представили командующему.

– Я доволен вашей работой, – сказал командующий, – но вижу, что многие вмешиваются и мешают вам работать. Поэтому я решил назначить вас старшим и ответственным за всю работу по формированию и отправке маршевых батальонов. Вы будете непосредственно подчиняться мне. Можете по своему усмотрению использовать офицеров штаба округа. В случае надобности, обращайтесь прямо ко мне. Ясно?

– Так точно, ясно, – ответил я.

– Есть ли у вас вопросы ко мне? – спросил командующий.

Я решил воспользоваться благоприятным моментом.

– У меня есть личная просьба, товарищ командующий. Я очень прошу вас, после того как справлюсь с этой работой, отправить меня на фронт.

И тут же рассказал ему о своем отце и в связи с этим мучившими меня сомнениями.

– Ничего отрицательного о вас мне не известно, – сказал он и, взяв телефонную трубку, попросил кого-то зайти к нему. Через несколько минут в кабинет вошел начальник Особого отдела округа.

– Вот т. Владимиров обратился ко мне с просьбой отправить его на фронт, – сказал ему командующий, указывая на меня, – и в то же время он сомневается, окажут ли ему доверие драться за Родину. Есть ли у вас компрометирующие данные и что вам известно об отце т. Владимирова?

Начальник Особого отдела взглянул на меня и, немного подумав, ответил:

– Нет, ничего компрометирующего нет. А об отце я постараюсь навести справки.

– Вот и прекрасно, – сказал командующий. – Сейчас вы нужны здесь, и сами видите, что и тыл нуждается в знающих офицерах. Даю слово, что при первой возможности, как только спадет напряжение, я направлю вас на фронт.

Я поблагодарил командующего и как на крыльях полетел на работу, которой было по самое горло. Надо было многое успеть сделать за очень короткие сроки. Чуть ли не каждый день прибывали две-три тысячи запасников. Их надо было распределить по военно-учетным специальностям, обработать в санитарно-пропускных пунктах, одеть, обусть во все военное, выдать снаряжение и личное оружие. Затем составить из них маршевые роты, батальоны и, снабдив запасами продовольствия, посадить в вагоны. Работа считалась законченной только после доклада начальника эшелона о принятии людей и готовности к следованию по железной дороге.

Мы имели дело с разными людьми, и с рабочими, и с колхозниками, превращая их в солдат и младших командиров. Переход из одного состояния в другое совершался в течение нескольких часов. Этот механический процесс был значительно короче процесса психологического. Успех же нашей работы во многом зависел от психического состояния людей, над которыми мы трудились. Друг друга мы понимали плохо. Мы спешили сделать из них солдат, а они совсем не торопились на этом пути. Мы чувствовали ответственность военного времени и были обязаны строго придерживаться графика работы, а они, оторванные накануне от родных мест, семьи и своего дела, мыслями своими были еще там, у себя дома.

Но беда была даже не в этом. К нам прибывало пополнение, по традиции изрядно подгулявшее и на довольно высоком градусе. С ним было невозможно нормально работать. Призывники представляли собой возбужденную, крикливую и шумную толпу, которая никого и ничего не слушала. Чуть ли не с каждым в отдельности приходилось вести разговоры или просто тащить за руку. Мы надеялись, что хмель скоро пройдет, однако заблуждались – чем дальше, тем больше люди хмелели. Казалось, что винные пары не испаряются, а сгущаются в их крови. Особенно трудно было в бане. Под двойными парами их так сильно разбирало, что никакие уговоры не действовали. Сидя на лавках в мыльной пене, они горланили песни, стараясь перекричать друг друга.

Русский человек любит помыться и попариться в бане, и моется он неторопливо, обстоятельно, с особым наслаждением, как бы смывая с себя все заботы и неприятности, накопившиеся за неделю. Под винными парами это удовольствие, видимо, удваивалось.

Но время не ждет, и мы вынуждены были их торопить. Буквально каждого приходилось выводить за руку. И в то же время было жаль лишать их этой радости. Кто знает, сколько их вернется домой с войны? Эта баня могла быть последней для многих.

После помывки второй партии мы поняли причину столь продолжительного опьянения. Оказалось, что у многих в продуктовых мешках хранились бутылки с водкой, к которым они понемногу прикладывались.

Надо сказать, что даже в таком состоянии люди все-таки осознавали серьезность положения – не было ни грубости, ни драк, только шумная, пьяненькая толпа, напоминающая рой встревоженных пчел.

Несмотря ни на что, мы стремились организовать работу так, чтобы ничто не смогло нарушить ее жесткого графика. Имея небольшой практический опыт и еще раз тщательно продумав все вопросы, мы составили подробную схему работы с людьми, предусмотрев в ней все до мелочей. Надо сказать, что схема оказалась удачной.

Принятый порядок требовал большего числа людей для обслуживания прибывающих команд. С разрешения командира полка я отобрал около полусотни лучших сержантов и солдат кадрового состава. Подробно ознакомив их с общими и частными задачами и распределив между ними обязанности, я тут же, на месте провел со всеми практические занятия. Когда они все твердо усвоили, мы приступили к работе. Сразу все пошло как по маслу.

Работа была организована примерно так: как только прибывали люди, мы выстраивали их по командам, и сержанты, выделенные для этой работы, осматривали у каждого продуктовые мешки и извлекали бутылки с водкой. Тут же, на глазах у всех, водку выливали на землю. «Пострадавшие» чуть ли не со слезами укоряли «варваров-сержантов» в истреблении дорогостоящего продукта. Иной раз, не выдержав бесчеловечных мук, бранились от всего сердца. Другого выхода у нас не было. Не отбирать бутылки было нельзя, это опять привело бы к тому, от чего мы с таким трудом освобождались. Отправлять водку в санчасть для медицинских целей – значило дать повод для нежелательных разговоров. Этой не совсем деликатной мерой мы, конечно, вызывали недовольство, но зато обеспечивали порядок. Мы видели, как люди, не имея чем воздать дань Бахусу, быстро трезвели.

Далее начинался конвейер. Военнообязанные, разбитые по командам, в порядке очередности и точно по графику проходили установленные пункты обработки под командой моих многочисленных помощников из рядового и сержантского состава.

Обработка людей начиналась со стрижки волос, для чего было временно мобилизовано в городе 30 парикмахеров. После стрижки все раздевались, упаковывали свои вещи в мешки, писали на них адреса и сдавали сержантам для отправки по почте домой. После этого команды заводились в баню, где старшина с десятью солдатами вручал каждому мыло, мочалку и бачок для мытья. Они же следили за тем, чтобы никто дольше 30 минут в бане не задерживался. Закончив мытье, люди выходили в предбанник. Там они получали полотенце и нижнее белье. Надев белье, гуськом, друг за другом, шли по прямой, застланной соломой дорожке, с обеих сторон которой, в порядке последовательности надевания, находилось разложенное по размерам обмундирование, обувь, а также снаряжение. Выдачей и подгонкой обмундирования занимались сержанты. Чтобы не было задержки, каждый сержант имел один-два предмета, не больше. На последнем пункте этой дорожки один из средних командиров проверял подгонку обмундирования, снаряжения и вручал винтовку. На все это дело уходило около 70 минут.

Люди так быстро преобразались, что даже друзья порой не узнавали друг друга. Помню случай. Собралась в кружок группа мобилизованных, только что прошедших санобработку и обмундированных во все новое. Стоят, курят. Разговор идет вяло, озираются по сторонам в поисках своих знакомых. Вдруг один из солдат, вытаращив глаза на стоящего рядом с ним, вскрикивает:

– Колька! Ты это али нет?

По его выражению лица видно, что он не уверен, что рядом с ним стоит его закадычный друг Колька.

– Егор? Вот черт, не узнал дружка своего!

Друзья от радости, что не потерялись в массе одинаково одетых людей, обнялись и хохочут во все горло.

– А кудри твои куда девались? – спрашивает Егор. Колька снимает пилотку, проводит рукой по стриженной голове и с улыбкой отвечает:

– Нетути, сняли... будем живы, отрастут, а теперь на кой ляд они мне!

Все один за другим сняли пилотки и начали ощупывать свои стриженные головы.

Сейчас, после войны, с грустью и сожалением вспоминаю, с какой бесцеремонной поспешностью приходилось нам отправлять людей на фронт. Грустно, потому что не смогли мы уделить им должного внимания, которого они заслуживали. Большинство из них самоотверженно и мужественно прошли по дорогам войны, а многие навечно остались лежать в родной или чужой земле, отдав за Отечество свои молодые жизни.

К концу июля резко сократилось число маршевых батальонов, отправляемых на фронт.

В первых числах августа меня вызвали в штаб округа. Командующий округом представил меня генерал-майору Волчкову, которому поручалось сформировать и возглавить 143-ю запасную лыжную бригаду.

– Вот вам готовый начальник штаба, знакомьтесь, – сказал командующий Волчкову, указывая на меня.

Я представился, а затем обратился к командующему:

– Вы же обещали отправить меня на фронт, как только работы в Новосибирске будут закончены.

– Я помню и сдержу слово, – ответил командующий. – Нам в ближайшие месяцы предстоит сформировать несколько стрелковых соединений. Формирование одного из них будет возложено на вас. Закончите работу и отправитесь на фронт. А пока помогите товарищу Волчкову. Сегодня же, чтобы не терять время, отправляйтесь вместе в Красноярск, где будет дислоцироваться управление вашей бригады.

Красноярск более других сибирских городов устраивал меня, так как там жила моя семья. Кроме того, меня привлекала новая, большая работа.

Организационно в запасную лыжную бригаду входили пять запасных стрелковых полков, один артиллерийский и три отдельных батальона общей численностью более 30000 человек постоянного и переменного состава. Территориально части бригады развертывались в широкой полосе Восточной Сибири от Канска до Минусинска.

Пока мы были в дороге, в удобном двухместном купе спального вагона, я присматривался к своему новому патрону. Он был старше меня лет на десять, очень опрятен, подтянут и вежлив. Держал себя просто, но с достоинством, соблюдая определенную дистанцию. Было видно, что он происходит из интеллигентной семьи. Длительный опыт работы в армии с людьми подсказывал мне, что я буду иметь дело с человеком справедливым, выдержанным, но недостаточно общительным. В его характере было много черт, присущих офицерам, которые долгое время не работали в строю.

В Красноярск мы прибыли поздно ночью. После того как Волчков устроился в гостинице, я отправился домой, в военный городок в 6 км от города. Дома меня не ждали и были несказанно рады моему внезапному появлению. Мы проговорили всю ночь, так как после месячной разлуки, за время которой произошло столько событий, было о чем поговорить. Уснул я только под утро, естественно, проспал и опоздал на 15 минут. Волчков уже ждал меня в штабе. Встретил сурово.

– Вы опоздали на 15 минут, – сказал он, глядя на свои часы. – На первый раз ограничусь замечанием, но предупреждаю, чтобы подобных опозданий впредь не было.

Конечно, я был виноват, но в то же время меня задел его излишний формализм.

«Настоящий аппаратчик, – подумал я. – Будь на его месте строевой командир, он сумел бы войти в положение человека, приехавшего домой, к семье».

Волчков, еще не зная меня и моего отношения к делу, решил дать своему новому подчиненному на всякий случай наглядный урок требовательности и аккуратности. Эта была первая и последняя натянутость в наших отношениях. В дальнейшем все сложилось как нельзя лучше.

Работы в Красноярске было много. Нужно было сформировать части, разместить, обеспечить материально и организовать боевую и политическую подготовку. Везде мы сталки-

вались с большими трудностями. Казарменного фонда не хватало, приходилось просить, а иногда и требовать у местных властей жилые помещения, склады и квартиры для офицерского состава. Не меньше проблем представляло собой налаживание воинского порядка, дисциплины и боевой учебы. Многие офицеры поступали к нам из запаса с низким уровнем военной подготовки, без командирских навыков. Эти необходимые качества могла им дать только практическая работа непосредственно в частях и подразделениях, но в подготовке войск мы были ограничены во времени. Кроме того, с наступлением зимы весь личный состав должен был получить твердые практические навыки в лыжной подготовке. Помимо этого, мы периодически по заданию штаба округа формировали маршевые роты и батальоны и отправляли их на фронт. Штаб бригады работал круглые сутки, но никто не жаловался на усталость, даже машинистки, – наоборот, работали все с необъяснимо откуда взявшейся просто неиссякаемой энергией. Желание трудиться в те необыкновенные месяцы подъема можно сравнить с неутолимой жаждой, когда пьешь, пьешь и все не можешь напиться. В то тяжелое время для нашей страны мы трудились как одержимые.

За время моей работы в 143-й запасной бригаде пару раз проездом на несколько часов останавливался в Красноярске командующий войсками округа генерал-лейтенант Медведев. На вокзале его встречали генералы красноярского гарнизона. Вместе с ними был и Волчков. Перед выездом, готовясь к докладу о положении дел в бригаде, он нервничал, волновался, а возвращался расстроенным и подавленным. Командующий любил в разговоре употреблять крепкие выражения, а невзлюбив подчиненного, бранился зло и долго, пока не доводил свою жертву до отчаяния. К сожалению, с легкой руки Ворошилова, брань широко распространилась в нашей армии. Мне вспоминается один из многих рассказов о Ворошилове на эту тему.

Ворошилов любил стрелять из пистолета и при всяком удобном случае демонстрировал свое мастерство командному составу. Находясь как-то в одной из частей Ленинградского военного округа, он решил проверить офицеров в стрельбе из пистолетов. Как и следовало ожидать, результаты оказались неудовлетворительными. Тогда Ворошилов решил лично продемонстрировать офицерам класс. После стрельбы офицерам принесли и показали мишень с пробоинами. Результаты были отличными.

– Вот как надо стрелять, – сказал Ворошилов и для пущей убедительности употребил крепкое словцо.

Довольный своим результатом, он весело беседовал с офицерами, стыдил их и острил на их счет, пересыпая остроты нецензурными словечками. К концу беседы один из молодых политруков роты попросил разрешения у Ворошилова обратиться к нему с вопросом.

– Что там у вас, говорите, – разрешил Ворошилов.

– Товарищ Маршал Советского Союза, – робко, тоненьким голоском начал политрук, – в вашем приказе, который нам зачитывали, говорится о том, что в войсках армии распространена матерная брань и предлагается покончить с этим бескультурьем, а тех, кто ругается, строго наказывать. А вот вы сами все время материтесь. Как это понимать?

Ворошилов вспыхнул, побагровел, хотел что-то ответить, но вдруг, круто обернувшись к командующему войсками Ленинградского округа Белову, сказал:

– Белов, объясни! – и тут же удалился к своему автомобилю.

Все были смущены. Белов долго стоял, ошеломленный неожиданным поворотом дела, зло посмотрел на офицеров, затем укоризненно покачал головой и, не найдя никакого объяснения, выпалил:

– Эх, вы, мать вашу... Какого человека обидели! – и быстро направился к Ворошилову.

От командующего Александр Тимофеевич Волчков возвращался «убитый», молча проходил к себе в кабинет, садился за письменный стол и, откинувшись на спинку кресла, долго тер платком лоб и затылок. Работать в этот день он уже не мог: общение с командующим выби-

вало его из колеи. Он тяжело переживал грубости в свой адрес, это лишало его сразу дара речи, что еще больше подогревало командующего.

Как-то после одной из таких словесных экзекуций я зашел к Волчкову выяснить, чем конкретно был недоволен командующий. Александр Тимофеевич не сразу нашелся, что ответить. Он тяжело вздыхал, о чем-то напряженно и мучительно думал, ерзал в кресле и все время вытирал платком потный лоб. Наконец, как бы очнувшись, с усилием выдавил из себя:

– Да-а-а... знаете ли... должен вам сказать... – Он развел в стороны руки, показывая, что сам ничего не может понять.

Сам по себя Медведев был неплохим человеком. Он не щадил себя в работе, болел за дела округа, любил порядок, дисциплину, был отзывчив, умел ценить хороших командиров и проявлял заботу о подчиненных. Солдафонство его, как и многих других военачальников, имело свое объяснение. Как правило, тон общения с людьми задавался сверху. Приоритет этого, казалось бы, несвойственного советской действительности тона всецело принадлежал нашим бывшим партийным вельможам. Это были люди невежественные, а многие из них и аморальные, но наделенные неограниченной властью. Все нижестоящие казались им жалким ничтожеством. Дурной пример заразителен, особенно для людей с низким культурным уровнем. Вот так вниз по ступенькам служебной лестницы передавалась от старшего к младшему эта зараза.

Общение с Медведевым делало Волчкова абсолютно беспомощным, лишало уверенности в своих силах. Ему все казалось значительно сложнее, чем было на самом деле.

Помню, я сидел в столовой за только что поданной тарелкой супа. Подходит ко мне дежурный по штабу с приказанием от Волчкова немедленно прибыть к нему. Я решил доест суп и сказал офицеру:

– Доложите генералу, что буду у него через пять минут.

– Генерал приказал, чтобы вы все бросили и явились, – пояснил дежурный офицер.

«Видимо, что-то очень срочное», – подумал я и побежал в штаб.

Войдя в кабинет, я увидел озабоченного Волчкова и подумал, что что-то действительно стряслось. Он потел, тяжело дышал – первый признак волнения.

– Не знаю, как быть, – обращаясь ко мне, сказал Волчков, разводя руками. – Только что по прямому проводу разговаривал с командующим. Он требует, чтобы ровно через два часа ему были представлены служебные характеристики на всех командиров частей. Когда я заикнулся, что за такой короткий срок этого сделать невозможно, он и слушать не захотел, и категорически потребовал выполнить его приказание в срок. Ну и, как всегда, не обошлось без крепких слов.

Последняя фраза была произнесена с горькой гримасой на лице.

– Как же нам быть? Просто ума не приложу, – продолжал он, растерянно глядя на меня.

Опасения Волчкова показались мне преувеличенными.

– Вы обедали, Александр Тимофеевич? – спросил я.

– Да какой там обед, когда я просто не знаю, как за два часа составить девять характеристик. В таком идиотском положении я еще никогда не находился.

– Идите обедать, отдохните, а через полтора часа приходите в штаб. К этому времени характеристики будут готовы. Вы их подпишете, и мы прямым проводом передадим их в штаб округа, – сказал я спокойно и уверенно.

Мои слова произвели на Волчкова такое впечатление, как если бы я отважился сразиться с целым полком.

– Да как это вы так вдруг сделаете? – спросил он недоверчиво.

– Сделаем все, как надо, не беспокойтесь, идите обедать.

Проблема была в том, что все люди в бригаде были новыми и своих командиров частей знали плохо. Давать правдивую характеристику офицеру, которого почти не знаешь, вещь не

из легких. Это и беспокоило Волчкова, который привык ко всему относиться честно. Он не видел выхода из этой ситуации. Но выход был.

Как только Волчков ушел, мы с начальником отдела кадров капитаном Боничем приступили к работе. Прежде всего мы просмотрели личные дела, аттестации за прошлое время и записали каждому в характеристике, каким служебным опытом обладает и как аттестовывался в прошлом. В конце добавили только то, что знали о каждом, указав при этом, что за короткий срок совместной работы не было возможности хорошо узнать человека. В результате такого подхода характеристики оказались достаточно полными и правдивыми.

Когда Волчков вернулся в штаб, все характеристики лежали у него на столе. Он раскрыл папку и начал читать. Читал он вдумчиво, не торопился. Постепенно лицо его прояснялось. Дочитав последнюю характеристику, он с благодарностью посмотрел на меня, встал, обнял и, улыбаясь, сказал:

– Вы прямо кудесник!

Я был доволен, что этот славный, немного наивный человек воспрял духом. На ум пришли строчки из «Ларчика» Крылова:

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

Не стал я цитировать классика: не хотелось его обижать.

С тех пор Волчков стал больше мне доверять. Он уже не боялся оставлять штаб и выезжать в войска. Теперь он уже не докучал мне своими подробными указаниями.

Позже, когда он увидел, что разговоры по телефону с начальством у меня заканчиваются на более благоприятной ноте, чем у него, то и эту дипломатическую миссию возложил на меня.

Разговаривать с начальством надо действительно уметь. Одну и ту же вещь можно преподнести так, что в одном случае похвалят, а в другом – получишь нагоняй. Эту хитрую «науку» особенно хорошо многие из нас изучили на фронте.

Штабу приходилось заниматься еще и гарнизонными делами, так как Волчков был одновременно начальником гарнизона г. Красноярск.

В частях бригады люди, готовясь к отправке на фронт, вели себя на редкость дисциплинированно, и случаев чрезвычайных происшествий почти не было. Но совершенно по-иному вели себя те, кто находился на излечении в красноярском госпитале. Многие из них получили ранения при подходе к фронту, не побывав еще в боях и не успев сделать ни одного выстрела. Бравирова повязками и костылями, они изображали из себя героев, проливших кровь за Родину. Самовольно группами они удирали из госпиталей, напивались и устраивали драки на улицах города и в общественных местах. Начальники госпиталей жаловались на них, но были бессильны против самовольных отлучек, так как раненые с верхних этажей спускались через окна, связав простыни. Комендантский патруль, постовые милиционеры и местные жители относились к ним как к фронтовикам, снисходительно и всячески старались их «умиротворить». Но «фронтовики» не успокаивались, а еще больше распалялись. Видя, что их действия остаются безнаказанными, разбушевавшиеся «герои» избивали тех, кто пытался их урезонить, и лезли в драку с представителями власти. Тогда из милиции поступал сигнал SOS. Приходилось бросать работу и выезжать к месту происшествия. Из своего армейского опыта я знал, что в таких случаях надо действовать решительно и строго. Не разбираясь, кто прав, кто виноват, я действовал только командами, которые быстро приводили в чувство как победителей, так и побежден-

ных. Утихомилив дебоширов, я строем отправлял их на гарнизонную гауптвахту, где за ночь в холодном помещении они приходили в нормальное состояние и в дальнейшем вели себя тише.

В декабре я заболел гриппом и лежал дома. Это был шанс видеть свою семью. Рано утром уходя на работу и возвращаясь далеко за полночь, я видел жену и дочку только спящими, а выходных дней мы не имели.

На третий день болезни утром, когда температура еще держалась, ко мне на квартиру принесли телеграмму из штаба СибВО следующего содержания:

«Вручить немедленно Волчкову. Подполковника Владимирова расчетом прибытия 14 декабря первым отходящим поездом командуйте распоряжение комвойсками».

«Наконец-то меня вызывают для отправки на фронт», – подумал я. Забыв о болезни, быстро оделся, собрал необходимые вещи и отправился в штаб бригады за проездными документами и в ту же ночь выехал в Новосибирск.

Начальник отдела кадров представил меня командующему, а затем начальнику штаба округа. Что говорил мне командующий войсками округа, помню плохо. От высокой температуры у меня кружилась голова, я едва держался на ногах, но все время думал о том, чтобы командующий не заметил моего состояния. В кабинете начальника штаба округа мне стало еще хуже. Я видел его как в тумане, слышал голос, но никак не мог сосредоточиться на его словах. У меня было только одно желание – как можно скорее добраться до вокзала, сесть в вагон, лечь и уснуть. А начальник штаба, как нарочно, все говорил и говорил, медленно расхаживая по своему огромному кабинету.

Из всего сказанного мне было ясно, что надо немедленно отправляться в поселок Уяр, станция Клюквенная (возле Красноярска), в месячный срок сформировать 140-ю отдельную стрелковую бригаду и отбыть с ней на фронт.

Как я добрался до своего вагона, не помню, наверное, шофер довез меня до вокзала и помог разыскать поезд и вагон.

Я сразу заснул, а проснулся перед самым Красноярском, весь мокрый от пота, но в гораздо лучшем состоянии. С вокзала я сразу поехал в штаб бригады, чтобы доложить генералу Волчкову о моем новом назначении.

Волчков с сожалением выслушал меня, ему явно не хотелось расставаться со мной.

– Мне очень, очень жаль терять вас, – сказал Волчков, – но... ничего не поделаешь, – добавил он с грустью. Мы тепло распрощались с ним, пожелав друг другу успехов. Так я расстался с человеком, с которым проработал душа в душу четыре недолгих, но горячих месяца.

Судьбе, однако, было угодно, чтобы мы встретились вновь в Москве после войны, в 1945 году. Встретились случайно во дворе пропускного бюро 1-го дома НКЮ. Очень были рады снова увидеть друг друга, обнялись, расцеловались. Вопросы, воспоминания – как это обычно бывает. Я поделился с ним своими квартирными затруднениями, которые и привели меня в бюро пропусков. Я направлялся к начальнику управления кадров, чтобы, в связи с отсутствием квартиры в Москве, отказаться от учебы на ВАКе, куда я был зачислен кандидатом, и просить о направлении на службу в войска.

– Машина у вас есть? – спросил Волчков.

– Есть, – ответил я, не понимая, какое это имеет отношение к нашему разговору.

– Видите ли, я давно искал хорошего человека, которому мог бы передать свою квартиру. После ухода в отставку я переселился к себе на родину, в Пензу. Квартира пустует. Давайте, не откладывая в долгий ящик, поедем, и я вам ее передам.

Я был на седьмом небе. Так, в благодарность за помощь в работе Александр Тимофеевич наградила меня редким для нашего времени подарком – прекрасной отдельной квартирой, где я живу до сих пор.

Это была наша с ним последняя встреча. Через два года Александра Тимофеевича не стало, но я всегда вспоминаю о нем с благодарностью, как о прекрасном человеке, с которым свела меня судьба.

Работа в 143-й запасной лыжной бригаде была первой большой работой, которой я отдавал все свои силы, а взамен получил бесценный опыт, который очень пригодился мне в будущем.

Труды мои в бригаде не остались незамеченными. Мне было присвоено очередное звание подполковника, и приказом командующего войсками СибВО я был награжден месячным окладом.

Не совсем оправившись от перенесенного на ногах гриппа и чувствуя неприятную слабость во всем теле, я все-таки решил отправиться к месту нового назначения в поселок Уяр (ст. Клюквенная). Там уже начала формироваться 140-я отдельная стрелковая бригада.

На станции меня встретил с искренним дружелюбием, как встречают долгожданных друзей, комиссар бригады подполковник Борис Михайлович Луполовер. Он сразу расположил меня к себе. Командиру далеко не безразлично, с каким комиссаром предстоит работать. Равные в правах, они, как пара коней в упряжке, изо дня в день везут тяжелый воз служебных обязанностей. Работа их должна строиться на взаимном уважении и доверии. Когда этого нет, появляются непринципиальные разногласия, мелочные раздоры, часто переходящие в скрытую враждебность, отчего в конечном счете страдает дело.

Надо сказать, чем шире у нас насаждались азиатские методы управления страной, тем быстрее и обширнее шел процесс обновления офицерских кадров. На смену опытным офицерам выдвигались менее подготовленные, а зачастую и менее разборчивые в вопросах нравственности. Все, чем был интересен и красив человек, все личное, индивидуальное было раздавлено как лишнее и вредное. Никто не осмеливался в те печально памятные годы выражать свои взгляды, чувства, симпатии, если они не отвечали официально принятым. Вполне естественно, такая средневековая обстановка, где «все дрожало, все безмолвно повинилось» (лучше А.С. Пушкина не скажешь), породила определенный тип людей, умеющих лавировать и приспособливаться. Даже после долгих сроков заключения эти люди подчас выходили оттуда такими же, какими и входили, а свои злоключения объясняли закономерным проявлением классовой борьбы в стране, в ходе которой возможны всякие отклонения: лес рубят – щепки летят. Неужели в их головах ни до ареста, ни после не шевельнулась мысль, а все ли благополучно в руководстве партии? Я много раз задумывался об этой породе человека, стараясь понять его психологию. Пришел к выводу, что это совершенно особый вид, предки которого, если верить в переселение душ, были четвероногими его друзьями. Очевидно, поэтому у этих людей такая рабская покорность хозяину.

В последние годы перед Отечественной войной у нас заметно снизился качественный уровень офицерского состава. Часто встречались люди, чьи способности и подготовка совершенно не отвечали занимаемому положению в армии. То же самое, если не в большей степени, относилось и к политработникам. Вполне понятно, как невыносимо тяжело командиру, когда он вынужден ежедневно, бок о бок работать с тупым, ограниченным и самоуверенным типом, про кого говорят: «На грош амуниции, а на рубль амбиции». Б.М. Луполовер не принадлежал к этой породе, что меня очень радовало, а чем лучше я узнавал его, тем большим уважением проникался к нему.

В течение двух зимних месяцев шла напряженная работа по формированию бригады и подготовке ее к предстоящим боевым действиям. На базе кадрового полка мирного времени формировалось уже третье очередное соединение. Каждая часть, убывая на фронт, действовала по принципу: после меня хоть потоп. В результате такого отношения совсем еще недавно благоустроенный военный городок походил на поле ратное после Мамаева побоища. В казар-

мах и землянках, предназначенных для размещения личного состава бригады, царил хаос: не хватало дверей и окон, внутреннее оборудование во многих местах было разобрано и растащено. Нужно было проявлять немалую изобретательность, чтобы, не имея ни средств, ни нужных материалов, заделывать все дыры.

Личным составом бригада укомплектовывалась главным образом за счет кадровых частей, расположенных в Монгольской Народной Республике, и только частично призванными из запаса по мобилизации и выздоравливающими после ранения. Большинство солдат, прибывших из МНР, были старослужащими, по третьему году службы. Все они стремились на фронт. Командный состав был представлен в основном кадровыми офицерами, не имеющими еще боевого опыта.

Несмотря на тяжелые условия, люди сохраняли бодрость духа. Я не помню, чтобы кто-то ныл, жаловался, выражал недовольство или нарушал дисциплину. Трудности переносились спокойно, на них просто не обращали внимания. Люди понимали, что стыдно жаловаться, когда на фронте идут кровопролитные бои, хотя оттуда стали все чаще поступать радостные вести: то в одном, то в другом месте наши войска переходили в наступление. Вслед за Ростовом освобождены Елец, Тихвин, Калинин. Наконец-то после длительного отступления и колоссальных потерь поднялась, как писал Л.Н. Толстой в «Войне и мире», «...дубина народной войны со всею своей грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Народ воспрянул духом, и нашим ребятам уже не сиделось в Уяре.

Была у нас, правда, одна проблема, которая доставляла много хлопот. Несмотря на все принятые меры, мы никак не могли справиться с вшивостью. Начальник медслужбы бригады майор Иван Данилович Евсюков, энергичный и ответственный за свое дело врач, казалось, предпринимал все, что было в его силах, но безуспешно. Я нажимал на него, командиров частей и подразделений, требовал ежедневных профилактических осмотров и докладов. Евсюков добросовестно выполнял свои обязанности, но порадовать меня ничем не мог.

– Вы что-то не доделываете, – говорил я Евсюкову, – нужно кропотливо, не спеша, от начала до конца проверить весь процесс обработки как личного состава, так и нательного белья и жилых помещений.

– Все это делается, и очень основательно, – ответил он мне, – но найти причин пока не удастся.

– Тогда поработаем вместе и начнем с прачечной, – сказал я.

В прачечной на складе чистого белья нас встретила заведующая, полуграмотная женщина, жена уехавшего на фронт бойца. На стеллажах, столах и полу лежали связки нательного белья.

– Вот, товарищ заведующая, никак нам не удастся избавиться от паразитов. Решили посмотреть, все ли у вас здесь содержится в порядке, – объяснил я ей причину визита.

Женщина взглянула на меня с явным недоумением, не разделяя, очевидно, нашего беспокойства, а потом ошарашила вопросом:

– А разве люди могут быть без вшей?

Мы онемели. Я посмотрел на Евсюкова, он был явно смущен и растерян, чувствуя неловкость за подчиненную, чьи первобытные взгляды никак не вязались с задачами санитарной службы. Мы не стали ничего объяснять и приступили к обследованию склада. Сразу же обнаружилось, что рядом с чистым бельем лежат узлы грязного. Очаг распространения вшивости оказался на складе в прачечной.

Первый военный Новый, 1942 год мы встречали вдали от фронта в Уяре. Сержантов и солдат у нас было мало, но офицерским составом мы были почти полностью укомплектованы. Появилась возможность собраться единой семьей, в непринужденной обстановке, поговорить по душам и лучше друг друга узнать. Как водится, за праздничным столом были и тосты, и речи. Себе желали успехов в ратных делах, Родине – победы, женам – скорых встреч с мужьями. Впереди была неизвестность. Все понимали, что смертельный вихрь войны пронесется над каждым, а там... как повезет.

Но живой, к счастью, думает о живом. Грустные мысли улетучивались, на смену пришли песни, танцы, смех. Разошлись на рассвете. Под ногами приятно похрустывал снег, а 30-градусный мороз больно хватал за уши.

В конце первой половины января 1942 года бригаду проверял лично командующий войсками СибВО. Меня, уютно спящего под теплым одеялом, разбудил дежурный по бригаде и доложил, что генерал-лейтенант Медведев прибыл в своем вагоне на станцию Клюквенная.

Зная горячий нрав генерала, я вскочил, быстро оделся, разыскал Луполовера, и мы, словно пара орловских рысаков, помчались на станцию. Узнав у начальника станции о месте нахождения вагона, мы, немного отдышавшись, приняли бравый вид и направились к нему. Командующего на месте не было. К нам вышел его адъютант и с ехидной улыбкой сообщил:

– Командующий войсками округа направился в подразделения бригады. Он встает рано и командиров к себе не вызывает.

Генерала мы нашли в поле, в одном из батальонов, где подразделения отрабатывали «оборону». Не успел я отрапортовать ему, а комиссар – представиться, как командующий накинулся на нас с бранью и криком:

– Натрепались, черт вас возьми, «завоюем гвардейское знамя»! – процитировал нас Медведев. – Черта с два с такой подготовкой вы станете гвардейцами.

Бригада не имела еще лопат, и солдаты на занятиях не окапывались. Это и возмутило командующего. Говоря о гвардейском знамени, он имел в виду наше письмо крайкому и крайисполкому, в котором мы от лица личного состава бригады заверяли краевое начальство, что добьемся успехов в предстоящих боях и получим наименование «Гвардейская бригада».

Я терпеливо молчал, понимая, что в этот момент любое слово послужит поводом к еще более яростной вспышке гнева. Цель проверки была ясна: оценить состояние бригады и, где надо, помочь, а вдобавок, независимо от того, как мы работаем, «дать нам духу», чтобы работали еще лучше. Такая практика была широко распространена в армии и, очевидно, брала свое начало еще с петровских времен, когда рекомендовалось требовать невозможного, чтобы получить максимум возможного.

Борис Михайлович, однако, стал довольно смело и резонно возражать генералу, и это окончательно вывело командующего из себя. Из его уст, как из кратера действующего вулкана, летели на наши головы выражения одно другого крепче. Я делал знаки Луполоверу, чтобы он помолчал, но он не замечал их и продолжал отстаивать наши позиции, тем самым вызывая еще большую ярость начальства. В конце концов, поняв, что командующий обладает неиссякаемым запасом самой отборной лексики, комиссар бригады наконец замолк.

Проверив тактическую подготовку батальона, командующий направился к землянкам, где размещался личный состав батальона. Убогие, сырые, холодные землянки вызвали новый приступ злой ругани в наш адрес. Луполовер, к счастью, хранил молчание, и я решил, во избежание дальнейших вспышек высочайшего гнева при проверке других объектов, доложить генералу, что мы сами не в восторге от целого ряда имеющихся в бригаде недостатков:

– В этой землянке, товарищ командующий, – докладывал я, – еще сравнительно терпимо, во многих других – значительно хуже. Дыр много, и мы делаем все, чтобы навести порядок,

но на каждом шагу встречаемся с большими трудностями, и особенно по части приобретения нужных материалов для оборудования землянок и других помещений.

Медведев выслушал меня, не перебивая, поворчал в своем стиле по нашему адресу, но уже в более низком регистре, и направился к казармам.

Долго еще ходили мы по расположению бригады. Командующий дотошно осматривал все, что в какой-то степени могло отразиться на ее боеспособности. Чем больше он знакомился с делами бригады, тем больше оттаивал. Во второй половине дня он провел строевой смотр всей бригады. Обходя строй, он останавливался почти перед каждым солдатом и офицером, внимательно осматривая обмундирование и снаряжение. Смотр закончился опросом претензий. Все это делалось строго по правилам устава, не сокращая и не ускоряя долгую процедуру.

На дворе начало темнеть, мороз крепчал, давал о себе знать, особенно нам, голодным и холодным с раннего утра. Опрос претензий прошел отлично. Ни одной жалобы не было заявлено. Большинство офицеров и солдат выразили желание скорее отправиться на фронт.

К этому времени у командующего уже сложилось достаточно полное и, очевидно, неплохое впечатление о состоянии бригады. Он по-отечески терпеливо выслушал нас и во многом даже с нами согласился. Все в нем оттаяло – и лицо, и голос, и взгляд. Напускная суровость уступила место его природной доброте.

Уже совсем стемнело. Мы решили, что на этом командующий закончит проверку, но ошиблись. Работа продолжалась еще около двух часов и закончилась только после того, как было проведено собрание младших командиров и совещание офицерского состава. Командующий подробно рассказал о положении дел на фронте и о полугодовом опыте войны. На прощание он дал офицерам несколько общих полезных советов и пожелал боевых успехов.

Отпустив всех, он велел нам остаться, пригласил сесть и сказал:

– Люди у вас хорошие. Скоро получите путевку на фронт. Смотрите, выполните обещание, данное вами крайкому. Будьте достойны сибиряков. Скоро получите все положенное из оружия и магчасти по штатному расписанию.

Потеплевший взгляд уставших глаз и теплые, душевные нотки голоса сказали нам то, о чем умолчал командующий. Мы видели, что генерал доволен нашей работой, хотя вслух об этом он нам не сказал, чтобы, наверное, не вызвать «головокружения от успехов».

В заключение командующий спросил, какие у нас имеются претензии и просьбы к штабу округа. Претензий у нас не было, зато просьбы были. Мы попросили заменить начальника штаба бригады подполковника Соколова офицером Генерального штаба майором Мокшевым, который в качестве представителя Генштаба находился в бригаде с начала ее формирования. Подполковник Соколов, грамотный, знающий офицер, недавно перенес серьезную операцию на желудке, чувствовал себя плохо, но крепился, чтобы его не заподозрили в нежелании идти на фронт. Мокшев по характеру был прямой противоположностью Соколова: атлетического телосложения, всегда бодрый, жизнерадостный и общительный. К тому же у него был боевой опыт: в финскую войну он командовал лыжным батальоном. Служить он хотел в нашей бригаде, о чем неоднократно говорил мне.

На вакантную должность заместителя командира бригады по строевой части мы просили командующего назначить майора Ерошина, который работал на курсах политсостава запаса. Луполовер знал его лично и рекомендовал. На должность командира 1-го батальона – майора Захарова, опытного офицера отдела боевой подготовки штаба округа.

Командующий обещал, и действительно, через несколько дней наши просьбы были выполнены.

За несколько дней до отправки на фронт, в действующую армию, нам объявили дату погрузки в эшелоны – 12 февраля 1942 года. Этот день, как водораздел жизни, запомнился навсегда.

И вот он настал. С утра части бригады грузились в железнодорожные составы. С шумом и песнями эшелоны двинулись на запад. Этот день походил на большой праздник. Лица бойцов сияли радостным возбуждением. Стремление попасть на фронт для нашего брата, военного человека, было делом естественным. Здесь и не пахло честолюбивым желанием отличиться или тем более военной романтикой. Поэзия войны отошла в область предания, как только на смену коню, сабле и пике пришли самолеты, танки и целый ряд средств массового уничтожения людей. Единственным двигателем были любовь к Родине и ненависть к врагу, чья отвратительная идеология вместе с тупой прусской наглостью вызывала чувство омерзения. Когда же враг подошел к Москве и встал вопрос быть или не быть Отечеству, вряд ли кто мог спокойно оставаться в тылу, что для уважающего себя военного человека было неловко и стыдно. В эшелонах мы чувствовали себя именинниками, без пяти минут фронтовиками. Как ручьи и реки несут воды в моря и океаны, так и наша семитысячная бригада сибиряков через несколько суток должна была влиться пусть небольшой, но сильной и свежей струей в бушующий океан мировой войны.

Мы не знали, куда нас повезут, на какой фронт. Вопросы сосредоточения и дислокации войск держались в такой строжайшей тайне, что, по всей вероятности, даже командование округом не знало конечного пункта нашего маршрута.

Офицеры штаба бригады разместились в пассажирском вагоне в составе третьего эшелона. Ночью эшелон остановился на станции Красноярск. Воспользовавшись трехчасовой стоянкой, некоторые офицеры и мы с Борисом Михайловичем успели побывать дома.

Когда я вернулся, все офицеры уже были в сборе, ожидая отхода эшелона. Вскоре паровоз дал гудок, вагоны скрипнули, и поезд стал медленно набирать скорость. Мы с комиссаром расположились в одном из купе, заняв нижние полки. Хотя вокруг шутили и смеялись, в душе разлилась шемящая тоска и беспокойство, которые не получалось ничем замаскировать. Краткое свидание с семьей перед долгой, а может, и вечной разлукой разбередило душевные раны. Работая над формированием бригады, некогда было думать о близких людях, забот хватало по самое горло. Здесь, в вагоне, когда служебные дела отодвинулись на задний план, все мысли были только о родных. Разговор не клеился, и мы улеглись спать. Но тревожные мысли не давали уснуть, и предательский комок не раз подступал к горлу.

Я думал о том, что в холодном городе оставил жену и дочку и что ждет их впереди. Мысль о возможном голоде, безжалостном и грозном спутнике каждой длительной войны, терзала меня. В ранней юности я испытал на себе весь ужас настоящего голода. Видел не раз, как днем по улицам, едва держась на ногах, бродили живые тени людей в поисках пищи, а вечером собирали их уже окоченевшие трупы, грузили как дрова в большие фургоны и вывозили за город. Никогда не смогу забыть, как женщины, живые скелеты, искали друг у друга в волосах насекомых и с жадностью их поедали. Эти юношеские впечатления страшной зимы 1920/21 года вселили в меня паническую боязнь голода.

В Новосибирске наш эшелон встретили генералы и офицеры штаба СибВО. По заданию командующего округом они проверили укомплектованность и обеспеченность бригады личным составом и всеми видами материально-технического снабжения. Одновременно с этим была произведена некоторая замена политработников. Мне были представлены прибывшие для прохождения в бригаде батальонные комиссары Сергеенко и Рохмачев. Первый заменил начальника политотдела, а второй – комиссара штаба бригады.

Перед тем как представить этих офицеров, начальник политуправления округа попросил всех офицеров выйти из купе и, оставшись наедине со мной, конфиденциально сообщил мне решение Военного совета округа исправить допущенную ошибку политуправления в укомплектовании политотдела бригады. Ошибка заключалась в том, что все руководящие политические работники оказались евреями.

Я никогда не был антисемитом и не обращал внимания на такие вещи. Но разговоры по этому поводу, видимо, ходили среди солдат и офицеров бригады и дошли до политуправления. О разговорах этих я узнал от хозяйки дома, где мы с комиссаром снимали комнату. Как-то раз она меня спросила с насмешливой улыбкой:

- А правда, что ваша бригада национальная?
- Откуда вы это взяли? – удивился я.
- Ваши солдаты говорят: «Наша бригада еврейская».

Вопрос хозяйки неприятно кольнул меня. Подобные разговоры расхолаживали людей и могли подорвать доверие к командованию бригады. Политотдельцы не сочли, очевидно, нужным проинформировать меня по этому щекотливому вопросу. Я начал перебирать в голове, кто у нас еврей, и оказалось, что из четырех руководящих политработников евреями оказались все четыре. Кстати, и меня, по внешности, многие, вероятно, принимали за иудея.

До войны вряд ли бы кто из военнослужащих стал бы поднимать вопрос о национальном составе. Война всколыхнула и подняла многое: и хорошее, и плохое, что давным-давно было забыто, обострила национальные, а порой и шовинистические чувства. К тому же бешеная антисемитская пропаганда Гитлера просачивалась к нам и заражала своим ядом. С тех пор, т.е. со дня разговора с хозяйкой дома, и до конца войны я, каждый раз беседуя с новым пополнением, сообщал им свою краткую биографию, где подчеркивал свое русское происхождение.

Проверку нашего эшелона на станции «Новосибирск» начальник политуправления округа закончил информацией о состоянии дел на фронте. Отрадно было слышать, что на всех его участках наши войска вели активные и успешные боевые действия.

При отправке на фронт бригада была вооружена только винтовками, поэтому в Новосибирске, Омске, Тюмени и на других станциях нас довооружали пушками, минометами, пулеметами, противотанковыми ружьями и автоматами.

Везли нас быстро, без задержек. Навстречу неслись один за другим эшелоны с промышленным оборудованием демонтированных заводов, санитарные поезда с ранеными и больными и теплушки с эвакуированными по «Дороге жизни» ленинградцами. Кто-то из офицеров, глядя в окно на санитарный поезд, полный ранеными, сказал:

- Эх, отвоевались...

Чего больше было в этом слове, вырвавшемся из глубины души: жалости, сострадания, печали, а может, зависти?

Большинство эвакуированных принадлежало к старой интеллигенции. Среди них были ученые, профессора ленинградских вузов. Покидая город, они надевали на себя все, что имели, остальное было брошено в разбитых, холодных домах. В енотовых шубах и каракулевых манто, замотанные в старые пледы и пуховые шали, измятые и грязные, они являли собой жалкое и страшное зрелище вырванных из ада людей. Их высохшие от голода и холода тела, мертвые пергаментные лица и глаза, глядевшие опустошенно и безучастно, производили жуткое впечатление. Казалось, что это не живые люди, а футляры, в которых чуть теплится жизнь, но скоро они остынут, рухнут на землю и рассыпятся в прах.

На одних станциях эшелоны разгружались и ленинградцев вывозили и размещали в населенных пунктах, на других – останавливались на время приема горячей пищи, после чего следовали дальше по своему маршруту. Везде наблюдалась одна и та же картина: все эвакуированные находились в состоянии тяжелой дистрофии. Помогая друг другу, они с трудом выходили из вагонов и тут же на перроне справляли свои естественные нужды, ни на кого не обращая внимания, все вместе, и мужчины и женщины.

Нас, еще не хлебнувших горя, поражала такая бесцеремонность, но голод разрушает не только тело, но и психику человека. Пройдет не больше месяца, как такое же состояние абсолютной апатии многие из нас получат возможность испытать на себе.

Кое-где в пустых теплушках и возле них между путями лежали еще не убранные трупы детей и взрослых, умерших в дороге. Проходя мимо одной из теплушек, я обнаружил в ней сидящего на полу человека. Обеими руками он обнимал железную печь. Я вскочил в вагон, чтобы разбудить его и помочь выйти, но это был мертвец. Окоченевшими руками он крепко держал такую же холодную, как и сам, печь.

Бойцы старались не пропустить ни одного эшелона с ленинградцами, чтобы поделиться с ними своими пайками. Многие ребята отдавали все свои запасы, оставаясь голодными.

Встречи с блокадниками вызывали справедливое чувство безудержной ненависти к гитлеровским захватчикам. Никакая агитация и пропаганда уже не были нужны. Бойцы своими глазами видели, что принесло с собой нашествие варваров.

Приближаясь к фронтовой полосе, надо было еще и еще раз обдумать все до мелочей; все, что касалось разгрузки эшелонов, сбора, сосредоточения и марша бригады. Никто не мог знать, как сложится обстановка, в какие условия с первых своих шагов попадет бригада, будет ли время для подготовки к бою, будет ли первый бой встречным, оборонительным или наступательным. Это были задачи со многими неизвестными. Надо было быть готовым ко всяким неожиданностям. Первые удачные боевые действия бригады вселят в каждого бойца уверенность в свои силы, а без этого драться с грозным противником нельзя. Да и меня никто в бригаде не знал на деле как командира. Безусловно, в первые часы и дни боя я, как командир соединения, буду на виду у подчиненных. Малейший мой промах, неточность или неуверенность может подорвать доверие ко мне. Нельзя было категорически, особенно на первых порах, допустить даже малейшую оплошность. Поэтому тщательно, во всех деталях старался я обдумать варианты, с которыми, возможно, придется столкнуться.

Не зная обстановки, трудно заранее определить образ действия командира, но я считал, что не мешает еще раз продумать целый ряд вопросов и по видам боевого и материального обеспечения.

Больше всего я боялся бомбежек с воздуха, но нам повезло – за весь путь от начала до конца маршрута ни один самолет противника не появился над нашими эшелонами.

До самого Череповца мы не знали, на какой фронт нас везут, и только потом стало ясно, что везут нас на Ленинградский фронт. Эшелон подошел к Тихвину. Все, что мы увидели, говорило о недавно прошедших здесь боях. От домов остались одни трубы, кое-где закопченные голые стены. Кругом, как раны на теле земли, зияли воронки от бомб и снарядов. Нигде ни одной живой души, если не считать нескольких железнодорожных рабочих, ремонтирующих дорогу. Такого мы еще не видели. Молча смотрели мы на мертвую землю и думали о героях, участниках освобождения Тихвина, ценою своей жизни спасших от голодной мучительной смерти сотни тысяч жителей Ленинграда.

Любанская операция. Весна 1942 года

Война началась для меня на Ленинградском фронте в начале марта 1942 года. Я командовал 140-й отдельной стрелковой бригадой, прибывшей на фронт из Сибири, а ровно через год, в марте 1943 года, был назначен командиром 311-й стрелковой дивизии и прошел с ней весь боевой путь от Волхова до Эльбы.

Эти два соединения одинаково дороги моему сердцу. Первые очень тяжелые, кровопролитные бои в составе 140-й бригады под Любанью и Синявино невозможно забыть и через десятки лет – они гвоздем засели в памяти.

Нелегко было и в 311-й дивизии, когда мы дрались за Ленинград в составе Волховского фронта, отвлекая силы противника на себя. Но это было позже, когда многие из нас уже имели небольшой боевой опыт, полученный в боях 1942 года.

140-я бригада, прибыв на фронт, вошла в состав недавно организованного 4-го гвардейского стрелкового корпуса, который состоял из 3-й гвардейской стрелковой дивизии, четырех отдельных стрелковых бригад и частей артиллерии. Командиром корпуса был генерал-майор Николай Александрович Гаген, боевой, грамотный командир. Он принял меня и бригадного комиссара Бориса Михайловича Луполовера на командном пункте в районе города Волхов. Мы подробно доложили ему о боевом составе бригады, ее укомплектованности и боевой готовности. Командир корпуса внимательно выслушал нас и, как нам показалось, остался доволен подробными докладами. Генерал спросил, кто из нас уже участвовал в этой войне. Получив отрицательный ответ, он заметно сник, помрачнел и уже без особой симпатии глядел на нас.

Я, как на беду, выглядел моложе своих 36 лет и, видимо, произвел на командира корпуса невыгодное впечатление. Сдержанность и отсутствие самоуверенности в моем поведении он, очевидно, расценил как слабость и неопытность.

Выйдя из землянки командира корпуса, мы с комиссаром решили, что разговор с Гагеном, как говорится, «начался гладью, а кончился гадью». Внезапная холодность командира корпуса по отношению к нам, не обстрелянным еще в этой войне командирам оставила неприятный осадок. Но мы старались не унывать, надеясь в первых же боях показать себя и бригаду с лучшей стороны.

Я был кадровым офицером, с 16 лет в рядах Красной Армии. В прошлом принимал участие в боях. Не один раз имел возможность проверить себя как командира, умеющего в сложной обстановке найти нужное решение. Да и сейчас я был здесь только потому, что неоднократно просился на фронт у командующего Сибирским военным округом, полагая, что моя военная подготовка и желание драться с врагом Отечества будут полезны действующей армии.

Как известно, в первой половине 1942 года развернулись ожесточенные бои западнее реки Волхов с целью прорыва нашими войсками блокады Ленинграда. В начале января 1942 года войска Волховского и Ленинградского фронтов перешли в наступление.

Главный удар из района севернее Новгорода в северо-западном направлении на Любань наносила 2-я ударная армия Волховского фронта. Соединения 54-й армии Ленинградского фронта с рубежа Воронов, Малукса, южный берег болота Соколий Мох вели наступление на Тосно. В течение двух месяцев (январь, февраль) части 54-й армии изо дня в день с необыкновенным упорством атаквали противника. Чтобы ускорить разгром группировки немецких войск в районе Любани, Ставка Верховного Главнокомандующего потребовала от командующего Ленинградским фронтом развернуть наступление силами 54-й армии с севера в направлении Любани навстречу группировке Волховского фронта.

9 марта в результате удара частей 54-й армии гитлеровцы оставили ст. Погостье, разъезд Жарок, лес и поляны, прилегающие к Погостью. Однако дальнейшие попытки наших войск развить прорыв успеха не имели.

15 марта командующий 54-й армией генерал И.И. Федюнинский поставил 4-му гвардейскому стрелковому корпусу задачу: с утра 16 марта перейти в наступление, нанося удар в общем направлении на Зенино, Смердыню с целью разгромить противостоящего противника и к исходу дня выйти на глубину до 6 км, чтобы потом, по мере продвижения, наращивать удар.

Как показал опрос пленных, немцы ждали наступления корпуса на день раньше, т.е. в воскресенье, говоря: «Русские всегда портят нам праздник».

Боевой порядок корпуса строился в три эшелона: первый эшелон – 284-я стрелковая дивизия с 16-й танковой бригадой, 3-я гвардейская стрелковая дивизия со 124-й и 98-й танковыми бригадами и 285-я стрелковая дивизия; второй эшелон – 33-я и 32-я отдельные стрелковые бригады; третий эшелон – 137-я и 140-я отдельные стрелковые бригады (стрелковые дивизии, кроме 3-й гвардейской стрелковой дивизии, только на время прорыва входили в состав корпуса).

С утра 16 марта части первого эшелона корпуса перешли в наступление. Прорвав оборону и тесня врага, они медленно, с большими потерями, продвигались вперед. Глубокий снег и заросли ольхового леса затрудняли использование танков, артиллерии и орудий для стрельбы прямой наводкой.

За пять суток непрерывных боевых действий, несмотря на героизм солдат и офицеров, части первых двух эшелонов продвинулись всего на 6—10 км и вышли на рубеж реки Кородынька, деревень Зенино, Дубовик. В дальнейшем, вследствие возросшей ширины фронта и больших потерь, наступление корпуса еще более замедлилось.

Здесь следует пояснить, что немцы, отброшенные еще в декабре 1941 года к линии железной дороги Мга – Кириши, немедленно перешли к организованной обороне. Два полных месяца до начала Любанской операции они занимались устройством оборонительных позиций на всех возвышенностях и других удобных для обороны местах и превратили их в довольно сильные опорные пункты и рубежи. Все избы, амбары и сараи в населенных пунктах были превращены в ДЗОТы. С построек снимались крыши и рядом со срубом, с внешней стороны, ставился второй сруб. Промежутки между срубами засыпались землей. Оконные проемы, частично заложённые бревнами, служили бойницами, или бойницы специально прорезались в стенах домов. С наружной стороны эти срубы заваливались и утрамбовывались снегом, что делало их труднонаблюдаемыми. В каждом таком оборонительном сооружении устанавливались пулеметы, а в некоторых – артиллерийские орудия и минометы. Вне населенных пунктов применялись стенки (заборы), сложенные из бревен с бойницами высотой до одного метра, шириной 80—90 см и длиной 5—6 м и более, а в низких местах клались настилы из бревен для стрельбы лежа. Наши войска, ведя наступление на заблаговременно укрепившегося противника, вынуждены были действовать в очень сложных условиях, к чему они, надо прямо сказать, тогда еще подготовлены не были.

От начала марша и до ввода 140-й бригады в бой части бригады ночами по колено в снегу двигались шестнадцать суток. Каждый шаг требовал большого физического напряжения, что выматывало силы бойцов. Низкорослые монгольские кони проваливались в снег по самое брюхо и из последних сил тянули повозки, минометы и артиллерийские орудия, останавливаясь через каждые 40—50 м. Автомобили буксовали в снегу, и их подталкивали выделенные для этой цели команды. Местами автомобили зарывались в сугробы и застревали. Пока их вытаскивали, колонны останавливались, и утомленные бойцы стоя дремали. Менее выносливые, сойдя с дороги, ложились в снег. Их находили, будили, поднимали на ноги и тащили вперед, пока они не приходили в себя.

Когда наступал рассвет, части бригады укрывались в лесу на дневной привал. Разгоряченные на марше люди, промокшие от пота, первые минуты не чувствовали холода, хотя мороз

достигал 20 градусов, валились в снег и, прижавшись плотнее друг к другу, засыпали. Мороз же быстро хватал за мокрые спины прозябших до костей бойцов и поднимал снова на ноги.

В нелетную погоду разрешалось разводить костры, но и эта мера не приносила большого облегчения. Мало кто из командиров и бойцов умел по-настоящему ставить шалаши из веток хвойных деревьев. В них гулял ветер, выдувая тепло. Бойцы ложились поближе к костру и ворочались все время, подставляя огню то один, то другой бок. Так проходили часы дневного отдыха в борьбе с пронизывающим холодом за драгоценные минуты сна. Дневные привалы превращались в настоящую пытку, и люди все больше слабели и теряли силы. С каждым привалом росло число простуженных, а обгоревшие полушубки и валенки заменить было нечем. Уже 10 марта командир корпуса генерал-майор Н.А. Гаген вынужден был донести командующему армией: «Дороги тяжелые, личный и конский состав 137-й и 140-й бригад переутомлен».

В безоблачные дни немецкие самолеты утюжили небо в поисках войск корпуса. Несколько раз налетали «юнкерсы» и бомбили, но, благодаря рассредоточенному расположению частей на привале и хорошей маскировке, потери в бригаде были незначительными.

Несмотря на чрезмерную физическую усталость, личный состав продолжал стойко переносить трудности зимнего марша. Бойцы хорошо знали, что армия сражается за снятие блокады Ленинграда, и это поддерживало их дух. Они мужественно переносили тяжелые условия похода. За первые десять суток марша было подано 47 заявлений о приеме в партию.

Со дня ввода корпуса в бой 140-я бригада с длительными остановками медленно продвигалась за наступающими частями корпуса. Об обстановке нас почему-то не информировали. О ней мы могли судить по медленному продвижению действующих впереди нас частей, грохоту артиллерийско-минометного огня противника, количеству убитых на пути нашего движения и потоку раненых бойцов. С наступлением темноты немцы усиленно освещали ракетами подступы к своему переднему краю. По огням ракет мы определяли линию фронта, которая представляла собой чуть вытянутую окружность с очень узким разрывом у разъезда Жарок.

Бригаду каждую минуту могли ввести в бой, поэтому она должна была постоянно находиться в полной боевой готовности, а силы бойцов таяли с каждым днем, росло число простуженных и измотанных до крайности людей. Это вызывало большое беспокойство у командно-политического состава бригады. Офицеры понимали, что надо во что бы то ни стало сохранить силы бойцов до первого решающего боя. Боевому крещению мы придавали большое значение. Успех его должен был укрепить уверенность частей и подразделений в своих силах, что имело бы немалое значение для последующих боев.

Но что реально можно было сделать в этих тяжелых условиях? Бойцы мерзли, недосыпали и теряли силы. С утра 21 марта с исходного положения западнее отм. 36.5 была введена в бой 137-я бригада с задачей прорвать оборону противника на реке Кородыньке и выйти в район сараев. Одновременно была поставлена задача и 140-й бригаде продвигаться за левым флангом 137-й бригады, уничтожая оставшиеся группы противника и быть в готовности действовать в соответствии с обстановкой по особому приказу¹.

Продвигаясь за левым флангом 137-й бригады, к 7.00 23 марта бригада вышла к отм. 40.6 севернее Зенино и сосредоточилась в густом лесу в пяти километрах от предполагаемого края обороны противника. 3-й батальон бригады еще накануне был направлен распоряжением штаба корпуса к деревне Малиновка для ликвидации прорвавшихся групп автоматчиков противника.

Не успели части расположиться в лесу, как противник внезапно обрушился огнем двух батарей по району 1-го батальона и штаба бригады. Этот налет озадачил нас. Немецкие самолеты в этот день не появлялись, и по условиям местности враг не имел возможности наблюдать

¹ Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 5, лл. 13—14.

за движением и сосредоточением частей бригады. И все-таки неприятель каким-то образом нас обнаружил.

Позже стало известно, что фашисты кроме автоматчиков засылали в районы расположения наших войск разведчиков, одетых в форму Советской Армии. Они подавали сигналы по радио или ракетами о местонахождении наших частей. Не имея опыта, бороться с этим мы тогда еще не умели.

Наконец подошла и наша очередь вступить в бой. На всем фронте армии шли малоуспешные бои. Противник хорошо укрепился в населенных пунктах, вдоль дорог, оврагов и речек, занимая все господствующие на местности пункты. Отражая атаки наших частей и нащупывая слабые места в их боевых порядках, противник переходил в короткие контратаки, всегда хорошо поддерживаемые сосредоточенным огнем артиллерии и минометов.

24 марта по телефону был передан приказ штаба корпуса:

«140-й бригаде, обеспечивая стыки с 137-й бригадой и 3-й гвардейской стрелковой дивизией, наступать с целью овладения районом рощи «Хвойная», перерезать дорогу Кондуя – Смердыня, имея в виду быть готовой к отражению контратак противника с направлений Макарьевской Пустыни и Смердыни, содействуя частью сил 3-й Гвардейской стрелковой дивизии в овладении районом Смердыня, Доброе, Басино»². Задачу эту бригада должна была выполнить собственными силами без 3-го своего батальона и какого-либо усиления.

Полоса сплошного болота, заросшего лесом, глубиной более 4 км отделяла бригаду от противника. Густой ольховый лес стоял перед нами стеной. Через это препятствие надо было пробиваться, как в индийских джунглях. К тому же в лесу лежал глубокий снег. В направлении нашего наступления оказалась единственная очень узенькая просека, которую мы решили использовать для сближения с противником. Никаких следов человеческих ног на снегу – как на самой просеке, так и в лесу – мы не обнаружили.

До начала боя штаб бригады не располагал никакими данными об обороне противника, его силах и группировке. В общих чертах было известно, что немцы занимают рощу «Хвойная», которой должна овладеть бригада. С соседями у нас не было непосредственного соприкосновения и связи. Для того чтобы установить ее со 137-й бригадой и 3-й гвардейской дивизией, направлялись группы бойцов, которые бесследно исчезали, видимо, наткнувшись на засады противника. При движении частей по единственной просеке ожидать засады можно было на каждом шагу. Чтобы избежать этого и своевременно установить начертание переднего края обороны немцев, вперед была выслана разведывательная рота с задачей, развернувшись в цепь, прочесать лес в полосе движения бригады и, продвигаясь к роще «Хвойная», войти в соприкосновение с противником.

Когда разведрота удалась на расстояние до одного километра, части бригады начали выдвигаться к просеке. В голове колонны двигался 1-й батальон майора Г.Е. Назарова, за ним – 2-й батальон майора К.А. Куничева. За стрелковыми батальонами двигалась артиллерия бригады. Командование бригады находилось в голове колонны.

Саперы младшего лейтенанта С.П. Парцевского и часть стрелков, вооружившись топорами и пилами, рубили и пилили деревья, чтобы расширить просеку и сделать ее пригодной для движения артиллерийских систем и повозок с минометами и боеприпасами. Работа сначала шла медленно, но вскоре наладилась, и 1-й батальон стал втягиваться в лес. Кругом – тишина. Ни одного выстрела со стороны противника. От разведки никаких донесений не поступало.

Прокладывая перед собой дорогу, батальон Назарова все больше углублялся в лес. Казалось, ничто не предвещало опасности, как вдруг воздух потрясли разрывы снарядов. Беглым огнем одной артиллерийской батареи противник обрушился на колонну 1-го батальона. По точности огня было понятно, что противник следит за нашим движением, хотя, как и ранее, наблю-

² Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 5, л. 15.

дение с земли и воздуха исключалось, а впереди действовала наша разведка. Нам ничего не оставалось, как только быстрее пробиться вперед и во избежание потерь увеличить дистанцию между подразделениями батальонов. Артиллерийские налеты повторялись методично через каждые 10—15 минут.

Пока батальоны пробивались сквозь чащу леса, разведрота, пройдя заросшее лесом болото и не встретив на своем пути противника, вышла на опушку длинной лесной прогалины, за которой в трехстах метрах снова начиналась густая растительность.

Прежде чем преодолеть открытый участок местности, командир роты должен был выслать вперед разведывательный дозор. Но лейтенант П.Е. Картошкин этого не сделал, и рота, развернутая в цепь, двинулась по прогалине, не имея впереди дозоров. Когда она подходила к середине прогалины, впереди с опушки леса, до которой оставалось менее 150 м, взвилась сигнальная ракета. Не успели разведчики даже подумать об опасности, как затрещали пулеметы, автоматы и раздались взрывы мин. Только глубокий снег, в который зарылись бойцы, спас роту от уничтожения.

В это время 1-й батальон приближался к лесной прогалине, и засада противника, видимо опасаясь обхода, поспешно отошла. Разведроте, однако, был нанесен значительный урон.

В сумерках батальон приблизился к роще «Хвойная», восточнее которой проходил передний край обороны немцев. Уже стемнело, когда батальон занял исходный рубеж для атаки. Впереди в 100—150 м притаились гитлеровцы.

За первым батальоном в 300—400 м в глубине залег 2-й батальон. Артиллерийские дивизионы застряли в лесу, так как лошади окончательно выбились из сил.

В этот день резко потеплело, и обессиленные бойцы 1-го батальона, заняв позиции и кое-как окопавшись в снегу, тут же засыпали мертвым сном. Мы с комиссаром бригады Б.М. Луполовером, начальником штаба бригады майором Е.Н. Мокшевым, командирами батальонов и рот всю ночь находились в боевых порядках стрелковых подразделений, чтобы успеть своевременно предотвратить возможную ночную вылазку противника. Немцы, ожидая нашей ночной атаки, держались настороже. Они не решались на активные действия, уступая нам в численности живой силы. Это спасло нас от трагедии, которая могла бы разыгаться в ту ночь.

Утром немцы открыли ожесточенный огонь из всех пулеметов и автоматов. Нас разделяла густая заросль мелколесья. Мы не видели друг друга, но это не мешало немцам непрерывно строчить по всему фронту, не жалея патронов.

Наши бойцы огня не вели. Артиллерия бригады только что успела выйти в район огневых позиций. Пользуясь безнаказанностью, противник наращивал огонь, и потери наши росли.

Командиру батальона Г.Е. Назарову было приказано немедленно открыть огонь по противнику, расположенному не более чем в 150 м. Приказ был передан в роты, но бойцы по-прежнему не стреляли. Поставив задачу командирам артиллерийских и минометного дивизионов подготовить огонь по переднему краю врага, я отправился в батальон, чтобы лично выяснить, почему молчат огневые средства стрелковых подразделений. Добираться до стрелковой цепи пришлось под непрерывным свистом пуль. Отдельные бойцы, физически менее выносливые, безучастно лежали в снегу в неподготовленных для стрельбы ячейках. Основная же масса бойцов добросовестно поработала лопатами, хорошо зарылась в снег и была готова к ведению огня. На вопрос, почему не ведут огонь, бойцы и командиры отвечали:

– Целей не видим.

– Но и противник нас не видит, а стреляет и наносит потери, – ответил я бойцам.

Ответы солдат и офицеров не были случайными. Бригада была сформирована из кадрового состава, которому в процессе учебы постоянно внушались требования уставов о бережном расходе боеприпасов. В статье 16-й Полевого устава 1936 года указывалось:

«Насыщенность современного боя артиллерией и автоматическим оружием вызывает исключительно большой расход боеприпасов. Бережное отношение к каждому снаряду, к каж-

дому патрону в бою должно быть непреложным правилом для всех командиров и бойцов Красной Армии. Необходимо поэтому воспитывать каждого командира и бойца в твердом знании, что только меткий, организованный, дисциплинированный огонь будет наносить поражение врагу и, наоборот, беспорядочный огонь, помимо разительного расхода боеприпасов, является лишь выражением собственного беспокойства и слабости».

Безусловно, правильные для своего времени требования Полевого устава не могли служить в данной обстановке руководством для ведения ружейно-пулеметного огня. Практика показала, что насыщенность войск автоматическим оружием дает возможность вести массовый, интенсивный огонь, заливая противника свинцовым дождем. Такой «беспорядочный» огонь врага, кроме морального угнетения, приносил немалые потери, и мы чувствовали это на себе.

Первое время в ходе войны с большим трудом приходилось повышать огневую активность стрелков и пулеметчиков. Очень часто пехота вызывала огонь артиллерии, в то время как она своими средствами могла справиться с противником. Характерно, что в первых боях бригада израсходовала несколько боекомплектов артснарядов и мин и менее половины боекомплекта патронов. Командир корпуса генерал Н.А. Гаген почти в каждом боевом распоряжении настойчиво требовал: «Все и всё должно стрелять», разъясняя, что массовое применение автоматического огня не исключает, а, наоборот, повышает роль одиночных метких прицельных выстрелов.

Ни о каком залповом огне в этих условиях, как тогда настойчиво требовалось в приказах, не могло быть и речи. Непрерывная трескотня автоматического огня противника и разрывных пуль над головами, не говоря уже о разрывах снарядов и мин, заглушала все команды. В этом неумолкаемом грохоте надо было подползать чуть ли не к каждому солдату для отдачи приказа об открытии огня.

Что представляла собой оборона противника и где расположены его огневые точки, в батальоне никто толком сказать не мог. Не знали также, имеется ли заграждение перед передним краем, оборудована ли оборона траншеями и ходами сообщений. Об обороне противника можно было судить только по его плотному огню, насыщенному автоматическими средствами.

Не имея еще боевого опыта, командиры стрелковых рот, прижатые к земле огнем пулеметов и автоматов, не решались на активные разведывательные действия, а слабые их попытки в этом направлении, кроме потерь, ничего не приносили. И действительно, огонь противника был так плотен, что пробиться вперед, казалось, было невозможно даже небольшой группе бойцов.

Кроме того, крайняя усталость всего личного состава сильно сказывалась на активности. Нельзя было медлить с атакой, но и бросать батальон в бой на неразведанную и подавленную оборону немцев было бы безрассудством.

Командир батальона майор Г. Назаров был ранен, как и его начальник штаба. Обязанности командира батальона принял заместитель начальника штаба лейтенант Я.И. Салтан, молодой, смелый, знающий офицер. Мы с ним решили произвести рекогносцировку переднего края обороны противника на направлении атаки одной из рот. Нужно было установить, что представляет собой передний край обороны и где расположены огневые точки противника. Кроме того, нужно было установить способ ведения разведки в густых зарослях леса, чтобы тут же, на основе личного опыта, дать практические указания командирам стрелковых рот и батарей. Успех атаки всецело зависел от того, насколько надежно будет подавлен противник на переднем крае. К нам присоединился начальник политотдела бригады батальонный комиссар Н.Г. Сергиенко.

Разделившись на две группы и взяв с собой по два автоматчика, мы с лейтенантом Салтаном поползли в нейтральную зону. До переднего края, судя по огню немцев, было не более

100—150 м. Ползти в густом лесу по глубокому снегу было трудно. Снег заваливался в рукава, за голенища валенок, а ветки деревьев и кустарников цеплялись за одежду и снаряжение.

Пули свистели над нами все время и не давали поднять головы. Стараясь не обнаружить себя, мы медленно ползли к обороне немцев, но обзор нисколько не улучшался. Перед глазами все так же стояла густая растительность, мешающая наблюдению. Передохнув немного, поползли дальше. В 40—50 м от себя в просветах леса мы увидели утрамбованную снежную насыпь в рост человека. За насыпью находились немцы, которые непрерывно стреляли из автоматов, как из брандспойтов, не прикладывая их к плечу. Где-то рядом длинными очередями строчили пулеметы, но их никому из нас не удалось обнаружить. Дольше оставаться здесь было опасно, и мы поползли назад.

Возвращение наше было омрачено: в нескольких шагах от цепи батальона был убит батальонный комиссар Н.Г. Сергиенко. Две шальные пули попали и в мою каску, но, к счастью, советская сталь не подвела. Следует отметить, что наша разведка имела и воспитательное значение: бойцы и командиры после этого стали действовать смелее и инициативнее.

Теперь, чтобы организовывать разведку противника в полосе наступления батальона, а затем и ружейно-пулеметный огонь по выявленным огневым точкам, в каждую роту были направлены офицеры штабов батальона и бригады. На разведку и организацию ружейно-пулеметного огня ушло не менее пяти часов светлого времени. Нелегко было под свист пуль учить бойцов и офицеров элементарным приемам ведения боя в лесу. В тот день не досчитались мы многих офицеров, но, как только заговорили наши пулеметы, автоматы и винтовки, огонь противника заметно ослаб.

Не лучше обстояло дело с артиллеристами и минометчиками. Время готовности артиллерии к открытию огня истекало. Командиры батарей и дивизионов, потеряв время в долгих и безрезультатных поисках наблюдательных пунктов, не подготовились к ведению огня и не знали, что же дальше делать. Да и мы с начальником артиллерии бригады капитаном К.И. Понтузенко, не раз побывавшие в боях, не имели готовых рецептов для действия артиллерии в сплошных зарослях леса. На местности, ровной как стол, не было ни одной возвышенности и ни одного высокого дерева для наблюдения. Это ставило артиллеристов в очень трудное положение. Как вести артиллерийско-минометный огонь, когда ни один пулемет противника не засечен, ни один участок его обороны не просматривается и разрывы наших снарядов и мин не наблюдаются?

Прежде чем давать указания командирам батарей и минометных рот, нам нужно было решить эту задачу самим. Винить артиллеристов в незнании своего дела было бы несправедливо, так как никогда раньше в довоенные годы никому в таких условиях стрелять не приходилось, да никто такой стрельбы и не требовал.

Поразмыслив сообща с начальником артиллерии бригады капитаном К. Понтузенко и с командирами дивизионов капитанами Т.С. Зайцевым, П.М. Николаевым и старшим лейтенантом А.Р. Ясенецким над тем, как организовать артиллерийскую подготовку атаки, мы пришли к решению: командирам батарей и минометных рот выйти на рубеж атаки к командирам поддерживаемых стрелковых рот, и первые выстрелы произвести с перелетом снарядов за передний край обороны немцев, а затем, постепенно укорачивая дистанцию стрельбы, довести разрывы снарядов и мин до переднего края противника, т.е. на удаление 100—150 м от передней линии нашей пехоты. Задача эта облегчалась тем, что немцы в этот день вели артиллерийско-минометный огонь в полосе бригады отдельными налетами, и поэтому командиры батарей в паузах между ними могли слышать разрывы своих снарядов и мин и корректировать огонь на слух. Такая стрельба была по площади не очень эффективной, но в этих условиях, при ограниченном времени, ничего другого нельзя было придумать.

Трудно было и со стрельбой прямой наводкой. Не видя целей и опасаясь поражений своих войск от разрывов снарядов при попадании в стволы и ветки растущих рядом деревьев

и кустарников, орудийные расчеты решили, что стрельба в этих условиях невозможна. Пришлось и здесь потратить немало времени на обучение расчетов и организацию огня, но, опять-таки, не по целям, а по снежной насыпи противника.

Штаб корпуса все время торопил нас с атакой. Весь день ушел на подготовку и организацию боя и попутно на обучение личного состава ведению огня в лесисто-болотистой местности. Только к восьми часам утра 26 марта части бригады были относительно готовы к атаке.

Замысел боя бригады сводился к следующему: после короткой артиллерийской подготовки 1-й батальон, поддерживаемый всеми огневыми средствами бригады, прорывает оборону противника и овладевает дорогой Кондуя – Смердыня, в трех километрах севернее Смердыни. После прорыва переднего края вводится в бой 2-й батальон, и, развивая первоначальный успех, батальоны овладевают опорным пунктом противника рощей «Хвойная». (3-й батальон продолжал вести бой с прорвавшимися группами в районе Малиновки.)

О том, что делалось на фронте наступления корпуса, мы не имели представления. Штаб корпуса не ориентировал нас в обстановке, очевидно полагая, что правдивые данные о безуспешных действиях корпуса снизят нашу уверенность в успехе наступления и тем самым отрицательно скажутся на выполнении поставленной перед нами задачи. Мы, однако, догадывались по наступившему затишью на фронте армии, что наступление частей корпуса и армии остановлено организованным сопротивлением противника. И действительно, части корпуса и армии в этот день активных действий не вели.

В восемь часов утра 26 марта, после 20 минутной артподготовки (прямо скажем, очень слабой), 1-й батальон смело атаковал противника и, прорвав его передний край, устремился вперед. Из-за правого фланга 1-го батальона был введен в бой 2-й батальон. Противник поспешно отходил, оставляя на поле боя убитых и раненых. Первая боевая удача окрылила бойцов. Несмотря на глубокий снег и заросли леса, подразделения быстро продвигались вперед. Натиск был так силен, что, казалось, от былой усталости бойцов не осталось и следа. В числе первых дорогу оседлала 1-я рота 2-го батальона лейтенанта В.Я. Авдеева.

Вскоре подошедшими подразделениями с соседних участков обороны немцы успели занять подготовленную позицию в глубине леса и встретить батальоны огнем всех своих средств. Батальоны залегли. Нужно было снова организовывать огонь артиллерии и минометов. Как и раньше, оборона противника не просматривалась.

Не подлежит сомнению, что гитлеровцы с начала сближения неустанно следили за действиями бригады, но, занятые отражением атак на других участках своей обороны, не могли сосредоточить против бригады необходимых сил и средств. Когда же наступление частей армии было отбито, у немцев развязались руки. Они без особого риска усилили оборону на направлении наступления бригады, маневрируя траекториями и подтянув с соседних участков пехоту, артиллерию, 20-мм зенитные пушки, обрушились на бригаду таким ураганным огнем, что за несколько часов боя весь лес был превращен в щепу.

Батальоны оказались в исключительно тяжелом положении. С фронта строчили пулеметы, автоматы и 20-мм зенитные пушки прижимали бойцов к земле. Сверху градом сыпались снаряды и мины, от разрывов которых стоял сплошной гул.

Ничто не мешало немецкой артиллерии молотить наши огневые порядки: авиации нашей мы ни разу не видели, а контрбатареинная борьба не велась. С каждой минутой в батальонах росли потери. Командир 2-го батальона лейтенант А.С. Филиппов, заменивший раненого комбата майора К. Куничева, просил разрешения вывести батальон из-под артиллерийского огня противника. Он не видел, что огнем противника охвачена большая полоса местности. Отвод батальона в этих условиях привел бы к еще большим потерям.

Положение спасли наши артиллеристы, и особенно минометчики. Они сумели быстро сосредоточить весь огонь своих батарей по пехоте противника. Это заставило немецкую пехоту залечь в укрытия и ослабить огонь пулеметов и автоматов.

Огнем 120-мм минометного дивизиона старшего лейтенанта А. Ясенецкого были подавлены стреляющие прямой наводкой зенитные пушки. Особенно самоотверженно действовали командир 82-мм минометного батальона лейтенант И.К. Яковлев, только что принявший командование батальоном, и командиры минометных рот этого батальона лейтенанты С.Д. Сайкин и В.С. Сидоров. Находясь в боевых порядках пехоты под сильнейшим огнем противника, они вели интенсивный огонь по пехоте немцев и не прекращали его даже тогда, когда в расчетах оставалось по два-три человека.

Благодаря огню наших минометов стрелковые подразделения получили возможность ближе подойти к переднему краю обороны противника и тем самым частично выйти из-под наиболее губительного артиллерийско-минометного огня.

Связь штаба бригады с батальонами и артиллерией осуществлялась проводными средствами. Радиостанций в батальонах не было. Телефонная связь с частями бригады неоднократно обрывалась, но усилиями и героизмом связистов она снова и снова без промедления восстанавливалась. Надо отдать должное организаторскому таланту начальника связи бригады старшему лейтенанту И.И. Спице, который настолько надежно организовал связь в бригаде, что в самых тяжелых условиях мы ни на одну минуту не теряли управления частями. Командир батальона связи с первых часов боя заболел, его заменил комиссар батальона старший политрук В.П. Лапчанский, который вместе с адъютантом батальона связи П.М. Тарасенко сумел так мобилизовать связистов, что командование бригады за два месяца непрерывных и тяжелых боев ни разу не имело к связистам никаких претензий.

Бой не прекращался с утра до позднего вечера. Весь лес был скошен разрывами снарядов и мин, лишь кое-где торчали отдельные обломки стволов деревьев. Фашисты несколько раз переходили в контратаки, которые всякий раз отражались огнем минометов и пехоты. Наши артиллеристы и минометчики израсходовали в тот день до двух боекомплектов снарядов и мин. Бой начал утихать только с наступлением темноты. Многие подразделения остались без командиров рот и взводов. Заменяли их сержанты. Боевые порядки рот и батальонов были расстроены. Оба командира батальонов, их заместители и начальники штабов выбыли из строя по ранению. О продолжении наступления не могло быть и речи. Нужно было немедленно приводить подразделения в порядок и вывести всех раненых.

Оставив боевое охранение на занятых нами позициях и поручив заместителю командира бригады майору Г.К. Ерошину организовать разведку противника, мы оттянули батальоны на несколько сот метров в тыл, чтобы накормить людей, привести в порядок подразделения и дать возможность бойцам немного отдохнуть.

Кроме того, надо было срочно пополнить артиллерийские и минометные подразделения боеприпасами. Отдав необходимые указания командирам частей, мы с комиссаром бригады Б. Луполовером направились на командный пункт, чтобы по телефону доложить командиру корпуса о результатах боя. Из-за больших потерь настроение у нас было подавленное. Захват бригадой участка дороги Кондуя – Смердыня, которая на фронте корпуса связывала два самых больших узла обороны немцев и давала возможность противнику маневрировать силами и средствами на фронте более десяти километров, хотя и имел большое тактическое значение, обошелся нам очень дорого.

Под свежим и тяжелым впечатлением от кровопролитного боя одержанный успех невольно ассоциировался с пирровой победой. Больше всего удручало то, что боевое крещение, которое имеет большое психологическое значение для последующих боев, принесло нам значительные потери. Готовясь к бою, мы ждали больших результатов при меньших потерях. В голове бродили противоречивые мысли. Думалось, что, организовав бой, где-то мы допустили ошибку, не все учли, не все сделали, чтобы избежать таких больших потерь. Тут же возникал другой вопрос: почему за весь день упорного, ожесточенного боя бригада была предоставлена самой себе и никто ничем не помог ей? На многие километры раздавался грохот артиллерий-

ского огня, но ни армейская, ни корпусная артиллерия не была привлечена к подавлению огня противника, тем более что в бой бросался последний резерв корпуса, последние свежие силы.

Я по телефону доложил командиру корпуса, что ближайшая задача бригадой выполнена, но потери так велики, что до приведения частей в порядок дальнейшее наступление считаю невозможным. Я ждал, что командир корпуса обрушится на меня с упреками за большие потери, а главное – за доклад о необходимости приведения частей и подразделений в порядок. Нужно отметить, что в тот тяжелый период войны было не принято в ходе боев докладывать о потерях. Такие доклады, очевидно, рассматривались как стремление подчиненных оправдать невыполнение боевой задачи, ссылаясь на «объективные» причины.

К своему удивлению, я услышал очень теплый голос командира корпуса:

– Бригада дралась очень хорошо и проявила исключительное упорство и стойкость в достижении цели. Вы перерезали основную рокаду противника и вклинились в один из его самых сильных опорных пунктов. К сожалению, мы ничем не могли вам помочь. Приводите людей в порядок, а завтра с утра продолжайте выполнять боевую задачу.

Разговор с командиром корпуса немного ободрил нас, и мы с комиссаром отправились в батальон, чтобы немедленно начать подготовку к завтрашнему наступлению.

Это было 26 марта. Тогда мы еще не знали, что противнику удалось перерезать коммуникации 2-й ударной и нескольким соединениям 59-й армий в районе Спасская Полисть. В тот день, да и в последующие дни, тяжело досталось медицинскому составу медсанроты бригады и медпунктам батальонов. Врачи-хирурги, в большинстве женщины, не имели возможности ни на минуту отойти от операционных столов, оказывая помощь нескончаемому потоку раненых. Врачи, недавно окончившие медицинские институты, не имея почти никакой практики, вынуждены были оперировать сотни тяжелораненых бойцов круглые сутки без сна и отдыха. От длительного стояния за операционным столом у многих хирургов так сильно отекали ноги, что приходилось надевать обувь больших размеров. Это был поистине самоотверженный труд. С глубокой признательностью вспоминаю врачей медсанроты: Смирных, Баранова, Тихонову, Генаденко и многих, многих других.

Нельзя не вспомнить с великой благодарностью санитарных работников батальонов, которым приходилось все время находиться вместе с бойцами в пламени боя, жертвовать собственной жизнью, спасая раненых. Это были совсем молодые девушки, почти подростки. Особо отличилась в первом бою 19-летняя военфельдшер 2-го батальона Полина Ясинская. С поля боя она вынесла и вывезла на волокушах 12 тяжелораненых. Будучи контуженной, потеряв слух и речь, она не уходила с поля боя до тех пор, пока все раненые не были доставлены в медпункт батальона. Следовало бы сказать о многих других девушках-санитарках, которые, пренебрегая опасностью, делали все, чего требовала обстановка. Прошу их простить мне, что за долгие послевоенные годы их фамилии стерлись из памяти.

Всей работой по выносу раненых из боя, оказанию им помощи в медсанроте и эвакуацией в госпиталь руководил начальник санслужбы бригады, энергичный и смелый человек, врач Иван Данилович Евсюков. Его помощником был замечательный фельдшер 19-летний Алексей Дорофеевич Лузан.

К утру следующего дня наша разведка донесла, что ночью противник оставил свои позиции перед фронтом бригады и отошел в глубь рощи «Хвойная». Приведенные в порядок за ночь батальоны, вновь приняв боевые порядки, начали продвигаться вперед. Противник, оставив в роще «Хвойной» часть сил и несколько десятков снайперов-кукушек, основными силами занял дорогу Макарьевская Пустынь – Смердыня. На оставленных фашистами позициях большими кучами лежали гильзы расстрелянных снарядов и патронов, валялись брошенные автоматы и пулеметы. Один из сараев был набит трупами немецких солдат, которые, очевидно, были подготовлены для кремации. В одном из сгоревших сараев были обнаружены трупы советских военнопленных, по многим признакам, заживо сожженных.

Судя по всему, противник отходил в большой спешке. Мы захватили 12 пулеметов и несколько десятков автоматов. Очищенная гитлеровцами от снега дорога Кондуя – Смердыня стала пригодна для движения всех видов транспорта. Бойцов радовал вид только что освобожденной нами территории и в то же время вызывал еще более жгучую ненависть к врагу. Они видели, как недешево обошелся ему этот бой³.

Перед бригадой теперь стояла задача овладеть всей рощей «Хвойная». Бои шли в хвойном лесу. Немцы умело и широко использовали своих снайперов: искусно замаскированные «кукушки» сидели на многих развесистых деревьях. Не обнаруживая себя, они стреляли разрывными пулями и выводили из строя всех, кто попадался им на мушку. Было очень трудно проводить командирские рекогносцировки обороны противника. Наблюдению лежа мешал густой кустарник, но стоило только подняться на ноги, как тут же кто-нибудь из офицеров падал, сраженный снайперским выстрелом. В одной из таких рекогносцировок был тяжело ранен в голову замечательный разведчик бригады капитан А.Н. Кочетков.

Бои шли за каждый метр леса. Корпус растянулся на фронте более 15 км, а разрывы между малочисленными соединениями корпуса доходили до двух и более километров. Боевые порядки частей представляли редкие, вытянутые по фронту цепи со множеством не занятых промежутков.

Несмотря на чрезмерно широкий фронт и упорное сопротивление противника, соединения корпуса ежедневно с наступлением темноты получали боевые задачи на наступление. Продвижение было незначительным, а людей теряли много. Противник, используя разрывы между частями, все чаще переходил в контратаки.

Перед фронтом корпуса действовало до 16 немецких батальонов пехоты восьми различных дивизий, до 15 танков, 16 бронемашин, 4 артиллерийских и 5 минометных батарей и до 12 орудий ПТО. Состав батальонов противника был различный: от 150 до 400 солдат. При создавшемся положении корпус не мог продолжать наступление растянутым фронтом. Потери в частях были значительными. Артиллерийских боеприпасов почти не было, а личный состав крайне утомлен. Немцы, к нашему счастью, тоже были изрядно потрепаны, у них не было сил для активной обороны.

Хотя противник и переходил в контратаки, они проводились накоротке и носили нерешительный характер. Пользуясь большими запасами артиллерийских боеприпасов и абсолютным господством в воздухе, немцы систематически совершали огневые налеты и все чаще наносили бомбовые удары пикирующими бомбардировщиками по боевым порядкам наших частей.

Командование армии продолжало настойчиво требовать от корпуса решительных действий. 28 марта одним полком 3-й гвардейской дивизии и 32-й бригадой корпус организует оборону на рубеже Смердыня – Дидвино. Остальными силами он совершает перегруппировку к своему правому флангу. Задача корпуса состоит в том, чтобы во взаимодействии с 311-й и 11-й дивизиями, которые наступают с севера, 80-й и 281-й дивизиями с запада окружить и уничтожить группировку противника в районе к юго-западу от Кондуи и овладеть Макарьевской Пустыней. После неоднократных атак 80-я и 281-я дивизии овладели одним из сильных узлов обороны – Кондуйей, но продвинуться далее не сумели. Противник, маневрируя пехотой и артиллерией и нанося удары авиацией, удерживал за собой Макарьевскую Пустынь⁴. 140-я бригада продолжала вести бои в роще «Хвойная», но теперь уже в направлении Макарьевской Пустыни. На второй день боя части бригады захватили склад боеприпасов, где оказалось 18 тысяч 81-мм мин.

Молодой, смелый и инициативный командир минометного батальона И.К. Яковлев, тут же во время боя, обратился ко мне с просьбой разрешить ему использовать эти немецкие тро-

³ Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7986, д. 19, л. 21.

⁴ Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, лл. 23—24.

фейные мины для стрельбы из наших 82-мм минометов. Я немедленно поставил задачу перед службой артиллерийского снабжения бригады проверить возможность использования немецких мин для стрельбы из наших минометов. Выполнение этой задачи было поручено командиру минометного батальона лейтенанту И.К. Яковлеву и артиллерийскому технику бригадной артмастерской воентехнику 2 ранга В.Л. Лупежову. За сутки они произвели отстрел немецких мин из наших минометов и составили краткие таблицы стрельбы. Наличие большого количества немецких мин и полученная возможность вести прицельный огонь ими из наших минометов дали возможность более уверенно решать боевые задачи. Своих снарядов и мин, кроме неприкосновенного запаса, у нас уже не было, так как доставка их на позиции была очень затруднена. Теперь было чем поддержать атаки нашей пехоты, тем более что накануне в бригаду вернулся 3-й батальон, еще сравнительно полнокровный.

Имея большое количество мин и усилившись прибывшим батальоном, мы немедленно, с полной уверенностью в успехе, приступили к организации боя, с задачей овладеть сараями и выйти на дорогу Макарьевская Пустынь – Смердыня.

На следующий день, проведя довольно внушительную для тех дней подготовку атаки минометным огнем, части бригады перешли в наступление. К вечеру западная опушка рощи «Хвойная» и «сарай» были очищены от противника. Гитлеровцы потеряли около двухсот человек убитыми и ранеными. Части бригады захватили десять пулеметов, большое количество автоматов, ручных гранат, снарядов, радиостанцию и много других трофеев. Теперь дорога Макарьевская Пустынь – Смердыня, упорно обороняемая противником как рокада для маневра вдоль фронта, находилась под ружейно-пулеметным огнем⁵.

Почти всю первую половину апреля части корпуса вели борьбу за овладение Макарьевской Пустынью и Смердыней, маневрируя между этими населенными пунктами, но все атаки, не поддержанные огнем артиллерии из-за отсутствия снарядов, отбивались противником. Нельзя было действовать обычными методами без поддержки артиллерии. Нужно было менять тактику атак противника, действуя мелкими подразделениями на широком фронте то в одной, то в другой точке. Такие атаки в отдельности не давали ощутимых результатов в плане продвижения, но изрядно выматывали противника и в общей сложности наносили гитлеровцам значительный урон в живой силе.

Инициаторами таких действий были командиры взводов и рот. Первым показал пример капитан А. Кочетков. С взводом разведчиков они просочились через передний край противника и внезапно атаковали ротный наблюдательный пункт немцев. Уничтожив до взвода пехоты вместе с командиром роты, не ожидавших атаки и не готовых к отпору, разведчики удерживали занятые позиции до подхода нашей роты.

В один из дней перед самым рассветом взвод под командованием младшего политрука Н. Климова по собственной инициативе ворвался в расположение обороны немцев. Перебив часть гарнизона ротного опорного пункта, взвод захватил артиллерийское орудие и, повернув его в сторону противника, открыл огонь по убегающим фашистам. Так изо дня в день росла боевая активность в стрелковых подразделениях. То, что не удавалось сделать батальонам, делали стрелковые взводы и отделения.

3 апреля противнику удалось обойти Дидвино, которое обороняла 3-я рота 32-й бригады, и окружить его. Личный состав роты, находясь в окружении до 13 апреля, мужественно оборонялся, отбивая атаки противника с большими для него потерями. Только 14 апреля эта рота была высвобождена из окружения частями 294-й стрелковой дивизии. Рота прибыла в свою часть в составе 43 человек со своим и трофейным вооружением⁶.

⁵ Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 26.

⁶ Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 28.

В начале второй половины апреля противник начал активные действия в районе рощи «Клин». Он пытался разъединить части 281-й и 198-й дивизий для того, чтобы проникнуть в направлении Малиновки. С целью окружения и ликвидации противника командующий 54-й армией поставил корпусу задачу: уничтожить группировку противника в районе рощи «Клин». На время этой операции корпусу были подчинены 281-я и 198-я дивизии, которые оборонялись на этом участке фронта армии. Во исполнение приказа в направлении Липовика перебрасывается 311-я дивизия, а под рощу «Клин» – 3-я гвардейская дивизия, 140, 33 и 32-я бригады. На прежних рубежах их сменили 80-я дивизия и другие части армии.

Передний край обороны противника проходил по северо-западной опушке рощи «Клин», южному перешейку этой рощи к отм. 38.2. Окопов у противника не было. Их заменяли деревянные срубы из бревен высотой от 2 до 5 м с настилом в середине. Широко применялись противопехотные и противотанковые мины и фугасы, установленные перед передним краем. Отдельные участки прикрывались проволочными заграждениями. Оборона в основном строилась на системе пулеметного огня. Все пулеметы были установлены на переднем крае обороны. Всего в роще «Клин» предположительно было до 1300 солдат, 15—20 танков, 20—25 станковых пулеметов, 3—4 минометных и 4—5 артиллерийских батарей. В огневой системе обороны рощи «Клин» принимала участие артиллерия противника, расположенная в районах Виняголово, Макарьевской Пустыни, Смердыни и Рамцах⁷.

Начало наступления на этом участке совпало с сильным снеготаянием днем и заморозками ночью. Везде стояли талые воды. Местами уровень воды достигал 20—50 см. Все прибитые зимой дороги исчезли, только кое-где оставались следы от колес повозок. Густой лес с кустарником и валежником затруднял наблюдение. Возникли исключительные трудности с доставкой боеприпасов, продовольствия и фуража. Все надо было доставлять на вьюках и вручную. Ежедневно, а часто по два раза в сутки, личный состав автороты и тыла бригады под командованием энергичного командира автороты младшего воентехника В.Г. Мочулко навьючивался боеприпасами и тащил их за 6—10 км на огневые позиции по колено в грязи и воде. Эта команда была единственной живой нитью, которая связывала фронт с тылом. Но тяжелее всего было людям на передовых позициях. Под огнем противника, занимающего все возвышенности, бойцы лежали в ледяной воде, не просыхая ни днем ни ночью, лишённые какой-либо возможности погреться и обсушиться у костров.

Мне вспомнились стихи ленинградского поэта Александра Гитовича, который часто навещал нас в ту пору. Он писал о солдатах Волхова, познавших тяжелейший воинский труд и нашедших в себе силы бить врага в адских условиях:

На запад взгляни, на север взгляни —
Болото, болото, болото...
Кто ночи и дни выкорчевывал пни,
Тот знает, что значит работа.
Пойми, чтобы помнить всегда и везде:
Как надо поверить в победу,
Чтоб месяц работать по пояс в воде,
Не жалуясь даже соседу.

Командиры, не имея никаких резервов, не могли даже частично производить смену людей на передовых позициях. Поразительная выносливость и героическая стойкость наших войск достойны восхищения.

⁷ Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, лл. 36—37.

В средних числах апреля командование 54-й армией принял генерал-лейтенант Александр Васильевич Сухомлин. Это был образованный и хорошо профессионально подготовленный генерал, который отличался редким спокойствием и тактом. Даже в самых острых и сложных ситуациях ему никогда не изменяли выдержка и сдержанность. В обращении с подчиненными он не позволял себе оскорбительных окриков и того же требовал от командиров соединений по отношению к подчиненным им командирам и солдатам. Пожалуй, это был человек, который действительно пользовался искренним уважением и любовью подчиненных ему командиров.

20 апреля части корпуса перешли в наступление с севера на обороняющегося противника в роще «Клин» и местами вышли на передний край. Дальнейшее продвижение, однако, было остановлено сильным пулеметным и минометно-артиллерийским огнем. Упорные бои за овладение рощей «Клин» велись вплоть до 4 мая. Все атаки частей корпуса отбивались огнем противника с большими для нас потерями. Используя затишье на других участках фронта, немцы подбрасывали резервы к роще «Клин».

В конце апреля в бригаду небольшими партиями начало поступать пополнение, которое едва возмещало потери. Войска не имели укрытий, не могли зарываться в землю из-за болотистой почвы. Резко участились налеты авиации противника на штабы и боевые порядки наших войск. В один из таких налетов почти полностью был выведен из строя штаб нашей бригады. Погибли заместитель командира бригады майор Г. Ерошин, начальник политотдела бригады батальонный комиссар Н. Чернущенко, начальник артиллерии капитан К. Понтузенко, бригадный инженер старший лейтенант К. Златокрылец и другие. Тяжелое ранение получил начальник штаба бригады майор Е. Мокшев. Каким-то чудом уцелели мы с комиссаром, несколько бойцов и офицеров.

Окружив 2-ю ударную армию Волховского фронта, противник все больше наглед, чаще переходил в атаки, которым, как правило, предшествовал длительный сосредоточенный артиллерийско-минометный огонь и налеты авиации.

5 мая части корпуса, не имея успеха в наступлении на рощу «Клин» с севера, приступили к подготовке нового варианта операции с целью окружения противника, обороняющегося в роще. По решению командира корпуса главный удар наносился правым флангом корпуса в направлении от м. 33.0 и вспомогательный – в направлении стыка дороги юго-западнее Дубовика и далее на юг вдоль дороги на Липовик. Практически это решение выразалось в следующем: 32-я бригада с танками 98-й и 16-й танковых бригад (всего пять танков) наносила удар вдоль северного берега ручья Полянский в направлении от м. 33.0 с задачей выйти на западный берег реки Чагода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.